

С.Е. ЛИОН
МОРСКОЙ ПОБЕГ

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Вниз по реке Яне.....	1
2. После побега	19
3. Средне-Колымск.....	24
4. Чукотский король.....	42
5. Возвращение.....	53

1. Вниз по реке Яне¹

Близился вождеденный миг, весна 1882 года вступала в свои права; в конце мая Верхоянцы обычными радостными ружейными залпами приветствовали начавшийся весенний ледоход на кормилице Яне.

Спешно доканчивали мы свои лихорадочные приготовления к побегу. Бежать решили первоначально 8 человек, т.-е. все находившиеся в то время политические ссыльные, кроме д-ра Белого, решительно отказавшегося от побега, как шага безумного и неосуществимого, и два скопца — братья Тараскины; но в последнюю минуту пришлось взять с собою ещё одного, с позволения сказать, политического ссыльного, по фамилии Люно. Этот Люно попал в категорию политических ссыльных и затем в Верхоянск совершенно случайно и, так сказать, противостоенно, — исключительно благодаря необузданному, дикому произволу царской администрации, напуганной до такой сте-

¹ Брошюра представляет вып. III серии С.Е. Лиона. Вып. I — От пропаганды к террору. Вып. II — Революционеры за полярным кругом.

пени усилившимся революционным движением конца 70-х годов, что ей во всем чудилась «крамола» и революция. Между тем Люно был крайне неразвитой, почти безграмотный и жалкий французик, без определённых занятий, очень плохо говоривший по-русски, для чего-то и почему-то попавший в конце 1878 года в Петербург. Там он в одном из ресторанчиков встретился случайно со своим знакомым, таким же французиком. Они подвыпили и стали вдвоём распевать французские патриотические песни; вспомнили своего кумира Наполеона I и запели вдвоём известное Лермонтовское стихотворение «Два гренадёра», а когда дошли до стиха: «и сам император в плену», то вдруг раздались шумные аплодисменты подгулявшей публики и крики «бис». Очень польщённые, оба французика снова повторили стихотворение и когда дошли до слов «и сам император в плену», то раздались ещё более шумные аплодисменты.

Оказалось, что публика приняла эти слова за намёк на Александра II, который в то время, будучи напуган начавшейся террористической деятельностью Исполнительного Комитета, жил почти безвыходно во дворце вроде пленника, редко показываясь на улицах. Тут терпение всюду кишевших шпикив лопнуло: Люно был арестован и сослан в административном порядке в Верхоянск, куда прибыл в конце 1879 года. Здесь он принял православие, причём крестным отцом был у него сам исправник; занимался разными мелкими поделками, особенно изделиями из мамонтовой кости, очень напоминающей слоновую, иногда попрошайничеством и самым необузданным сплетничеством. Эти сплетни были не злостного характера, но по своим результатам граничили со шпионством; всё, что видел и слышал Люно, он немедленно спешил передавать другим, в том числе исправнику и всем чинам администрации от мала до велика. Навещал он нас часто, чуть ли не ежедневно, и постоянно компрометировал нас в глазах населения и администрации своим недостойным поведением: ведь на нём был почётный и серьёзный ярлык «государственного преступника». Мы всё-таки его очень жалели, как несчастную жертву царского произвола, и помогали ему чем могли.

И вот перед самым побегом встал для нас острый вопрос, как быть с Люно: товарищ он плохой и ненадёжный, брать его с собой не было у нас ни малейшей охоты и надобности, — одна лишь обуза; но, с другой стороны, оставить его в Верхоянске было очень опасно, так как он, зайдя по обыкновению к тому или другому из нас и, увидя наше отсутствие, начнёт болтать повсюду, что ссыльные куда-то ушли и т.п., и побег наш может преждевременно открыться. В конце концов, после долгих колебаний и бурных прений, мы решили взять его с собою, но сообщить ему об этом в самую последнюю минуту, чтобы он не успел никому разболтать. Так и сделали, — Люно, после небольших колебаний, согласился бежать с нами, и мы немедленно взяли его в плен и не выпускали до самого отплытия лодки. Таким образом, экипаж наш составил из 9 человек¹.

Капитаном и рулевым с диктаторскими, так сказать, полномочиями, мы назначили Царевского, по его собственному горячему желанию; мы единогласно решили установить на лодке железную дисциплину, всецело подчиняясь Царевскому. Остальные были: Серошевский, Зак Василий Иванович, Арцыбушев Василий Петрович, его жена Александрова Евгения Петровна, я, злополучный Люно и братья-скопцы Андрей и Григорий Тараскины.

25-го мая (старого стиля) река Яна очистилась, наконец, от густых масс ледяных глыб, — по ней стремительно неслись только отдельные льдины, деревья с вырванными корнями, разные обломки, щепки и т.п.; и мы решили, не теряя времени, ранним утром 26-го мая отправиться в путь на нашей лодке. Она стояла уже в полной готовности в прибрежных тальниковых кустах, невдалеке от берега реки; кроме того, там же находилась изготовленная нами запасная душегубка из тоненьких шелевок на трёх человек, лёгкая, как пух, узенькая и чрезвычайно быстороходная, управляемая одним двухлопастным веслом. Запасы пемикена² и ржаных сухарей были готовы в предназначенном

¹ Шесть политических: Арцыбушев, Царевский, Александрова, Серошевский, Зак и я; два скопца - братья Андрей и Григорий Тараскины и француз Люно.

² Пемикен — мясо, высушенное в порошок. О его приготовлении см. вып. II.

количестве¹, равно как огнестрельное и холодное оружие, инструменты, посуда, одежда и т.п. Оставалось только свезти их на лодку, что должно было быть исполнено в течение ночи; отплытие было назначено в 3 часа утра. Чтобы лучше замаскировать момент побега и отвлечь внимание полиции, мне было дано поручение пойти вечером в гости к исправнику Кочаровскому и там подольше посидеть у него, занимая разными разговорами благонамеренного свойства, а оттуда прямо пройти к берегу реки, где уже стояла наготове лодка, чтобы всем вместе отплыть к таинственным и манящим берегам Ледовитого океана.

Я, конечно, исполнил это поручение по мере своих дипломатических способностей; весело и непринуждённо болтали мы с Кочаровским о разных разностях: о местных новостях, о внешней политике, о неизменном Бисмарке, о якутских купцах и их жадности, о чукчах и их страсти к водке, об американцах в Америке и т.д., без конца. Исправник был очень польщён моим вниманием и обрадован моей разговорчивостью. Было уже около двух часов ночи, когда мы с ним расстались; солнце стояло довольно высоко, но всё живое — от певчих птиц и до людей — было ещё погружено в глубокий сон...

К трём часам ночи я уже был в заветной тальниковой чаще, где собрались все беглецы, не исключая француза Люно, и где стояла наша красавица-лодка... Через час мы уже неслись вниз по Яне, по необычайно быстрому течению её молодых вешних вод, да ещё подгоняемые энергичными и могучими взмахами весел четырёх гребцов, сменяемых каждые два часа и напрягавших все силы своих мускулов, чтобы добиться наивозможнейшей скорости. При попутном ветре ещё наставляли парус...

Когда через какой-нибудь час Верхоянск и все его окрестности исчезли из наших глаз, а наша лодка величаво неслась по быстринам могучей, многоводной и необъятно-широкой в своём весеннем разливе реки Яны, — наша радость и ликующее торжество не поддавались никакому описанию. Мы одни здесь

¹ ½ фунта пемикена и 1 фунт сухарей на человека в сутки.

на вольном просторе; сброшены цепи рабства и неволи, — сброшены и оставлены там, позади, в проклятом Верхоянске, а здесь мы мчимся на вольном просторе к Широкому океану, к воле, свободе и счастью.

Мы вновь почувствовали наши могучие молодые силы; к прошлому нет и не будет возврата; никто, и ничто теперь уже не в состоянии воспрепятствовать нам, преградить нам путь... И грянула хором ликующая молодая песнь, а за ней другая, потом третья. Звуки их и бодрящие слова разносились далеко по широкому водному простору, откликаясь весёлым эхом в прибрежных пустынных, девственных лесах, деревья которых мелькали и проносились мимо нас, точно телеграфные столбы, мимо которых мчится курьерский поезд.

«Вниз по матушке, по Волге...»

а потом: «Есть на Волге утёс...»

а затем: «Ты знал, умирая, родимый,
Что скоро из наших костей
Подыметесь мститель суровый
И будет он нас посильней!..»

и т.д., без конца.

Наш рулевой и капитан — Царевский стоял на палубе, зорко всматриваясь в даль и отдавая время от времени короткие приказы двум парам гребцов: «правые стоп! левые налегай!» или: «разом, дружнее!» и т.п. Он стоял суровый, высокий и худой, как мачта.

Первый день он чуть ли не все 24 часа простоял на ногах, не желая и слушать об отдыхе или смене, — таково было его нервное возбуждение и восторженное состояние от сознания, что заветные, многолетние мечты о свободе, наконец, осуществились, и он летит к ней на этом легкокрылом судёнышке им самим управляемом... Никто из нас не думал первые часы ни об отдыхе, ни о пище; все мы стремились пройти поскорее как можно большее расстояние, которое легло бы пропастью между нами и возможной погоней.

Никогда ещё, пожалуй, с самого покорения в XVII столетии Восточной Сибири и, в частности, Якутской области удалыми

вольными казаками ни одна подобная лодка цивилизованных людей не бороздила вод реки Яны. Фарватер её был совершенно не исследован и никому не известен, и нанесена она на географические карты совершенно наобум, — известно было только, что она берёт начало в вершинах Верхоянского хребта и впадает в Ледовитый океан, — больше ничего! Ходили смутные слухи по непроверенным преданиям, что где-то в низовьях она свергается страшным и опасным водопадом, который разбивает в щепки всякую лодку, и что адский шум этого водопада слышен чуть ли не за 10 вёрст...

Хотя смена гребцов должна была происходить каждые 2 часа, но первая смена так была возбуждена, как и все мы, что не захотела отдыхать и проработала целых 4 часа, хотя работа была далеко не лёгкая и требовала напряжения всех мускулов. Мы всё время старались плыть по самому «материку» течения, т.-е. там, где течение было самое быстрое и глубокое, чтобы во-1-х, выиграть в скорости, во-2-х, не сесть на мель. Это было тем необходимым, что по случаю весеннего половодья река вышла далеко из берегов и разлилась необозримо широко, залив все прибрежные пространства и скрыв их под водою, так что легко можно было сесть на мель, а это было особенно опасно, в виду той стремительной скорости, с которой мы неслись вперёд. Итак, через 4 часа гребцы сменились и стали готовить чай для всех, тут же в лодке, конечно. Пища у нас была готовая в виде пемикена и ржаных сухарей. Пемикен показался нам необычайно вкусным. Каждому была отмеряна точная порция — полфунта пемикена и фунт сухарей, и всё это запили чаем в неограниченном количестве, а затем смена улеглась спать, растянувшись на дне лодки... Это был чудный 4-часовой отдых на вольном воздухе, на широком водном просторе, после тяжёлого, напряжённого физического труда, под всплески вёсел и под журчание воды, рассекаемой лодкой, на-диво слаженной нашими собственными руками по рецептам американских¹ друзей... Тишина была полная, и лишь смутно сквозь сон доносились к нам энергичные

¹ 11 июля 1881 г. в 500 верстах от Сибирского берега (возле устьев реки Лены) в Сев. Ледовитом океане разбился пароход «Жанетта». Последний был специально приспособлен для полярного плавания, и

приказы неумолимого Царевского: «правые вёсла стоп!», «все вёсла разом вперёд!» и т.п. К утру мы отмахали вёрст 300 и почувствовали себя в полнейшей безопасности.

Погода продолжала стоять тихая и тёплая; река почти совершенно очистилась от льдин, плавника и т.п. и сверкала на солнце, точно отполированное зеркало. Постепенно левый берег становился возвышеннее, местами превращаясь в отвесные высокие скалы, мимо которых и мчалась наша лодка, повинуюсь указаниям рулевого Царевского...

К концу второго дня начались неприятности: вдруг на полном ходу, когда мы мчались по середине реки, что-то зашуршало под лодкой, и немедленно вслед за этим раздалась зычная команда Царевского: «стоп! задний ход!» Но было уже поздно: лодка на всем ходу врезалась в каменистую мель и стала. Это было полнейшей неожиданностью для нас, тем более, что наша плоскодонная лодка сидела не более, как вершков на 7 в воде. Все продолжительные усилия сдвинуть её с места, дав вёслам задний ход, не привели ни к чему; слишком был силен напор течения и слишком глубоко врезались мы в эту мель. Тогда мы все вылезли из лодки в ледяную воду и стали сдвигать её на более глубокое место, находившееся влево, — всего в нескольких аршинах, но и это не помогло. Тогда решили разгрузить лодку от всего груза таким образом: на имевшуюся с нами запасную душегубку («ветку») выгружали сперва часть экипажа, а потом частями запасы нашего пемикена и сухарей, и один из нас свозил всё это на берег; облегчённую лодку оставшимся трём или четырём товарищам удалось, наконец, сдвинуть с места и направить в глубокое русло; она оказалась неповреждённой. Тогда «ветка» перевезла обратно груз и пассажиров в лодку. Операция эта отняла несколько часов, и мы, наконец, радостно помчались дальше, оглашая пустынный водный простор звон-

на нём под командой капитана Де-Лонга находилась экспедиция для открытия северного полюса, отправившаяся из американского портового города Сан-Франциско, Часть людей и экипажа спаслась, добравшись до Сибирского берега у устьев реки Лены. Побывав в Верхоянске, спасённые американцы подали ссыльным план побега в Америку берегом Ледовитого океана. Об этом побеге идет речь в настоящей брошюре. Более подробно смотрите вып. II.

кой хоровой песнью... Царевский после этого распорядился измерять шестом время от времени глубину воды, чтобы опять не врезаться в мель...

Между тем, по мере приближения к северу, погода становилась холоднее, а ландшафт мрачнее и пустычнее; небо заволокло тучами; временами шёл снег... На другой день мы совершенно неожиданно вновь наскочили на мель и зарылись в неё ещё глубже вчерашнего. Опять никакими усилиями не удалось нам сдвинуть её с места, и пришлось снова свозить в «ветке» на берег часть экипажа и груза. Операцию эту на сей раз производил Серошевский. В первую очередь в душегубку сели я и Зак. Течение было чрезвычайно быстрое; далеко впереди виднелся торчавший из воды какой-то пенёк, который мы все отлично видели, в том числе и Серошевский, но не успели мы ещё подумать, как с быстротою молнии раздался толчок, «ветка» опрокинулась вверх дном, и мы все очутились в воде, на очень глубоком месте. Я оглянулся вокруг и, как ни странно, не мог удержаться от улыбки: Зак, держась обеими руками за опрокинутую вверх дном лодку и крепко облапив её под мышки, плыл по течению, бессмысленно выпучив испуганные глаза, без шапки, с сияющей лысиной и с разинутым ртом, представляя весьма комичное зрелище. Я же, зная хорошо, что плаваю, как топор, решил подчиниться своей участи и стал смиренно идти ко дну. В этот момент Серошевский мощною рукою схватил меня за шиворот и вплавь доставил к берегу, а затем вернулся обратно, нагнал Зака с душегубкой и так же благополучно водворил на берег.

Я, конечно, промок до нитки, и так как вода была ледяная, то продрог до такой степени; что меня трясло как в лихорадке, — зуб на зуб не попадал. К этому ещё дул свирепый северный ветер со снегом, и вдобавок пришлось раздеться до нага, чтобы переменить белье и обсушиться. Пока товарищи спешно разводили костёр, чтобы дать мне и Заку обогреться и обсушиться, я стоял совершенно голый на берегу, продуваемый беспощадным пронизывающим ветром, и в результате, как с гуся вода, — даже насморка не схватил: какова, однако, сила молодости!..

Пока мы обогрелись, подкрепились, вновь перевезли в «ветке» весь груз и экипаж, — прошло чуть не полдня... Бодрые и весёлые, помчались мы вперёд. Чем дальше мы подвигались, на север, тем шире становилась река, разлившись необозримо широкой, безбрежной, водной пустыней, и тем труднее было отыскивать правильный путь, тем чаще садились на мель. В то же время погода становилась всё холоднее и неприятнее, всё чаще шёл снег и дул пронизывающий северный ветер, — мы плыли так быстро, что опередили весну, которая осталась там, позади нас, в Верхоянске...

Борьба с мелями, разгрузка и нагрузка лодки становились всё чаще и отнимали у нас много времени и сил; продвижение вперёд делалось с каждым днём всё медленнее. В довершение густые, непроницаемые туманы всё чаще окутывали реку и весь горизонт, не позволяя видеть, что делается впереди и куда приведёт нас ближайшая извилина или поворот реки. То и дело перед нами неожиданно вставал высокий, скалистый берег реки с нависшими над водой страшными каменными глыбами, которые вот-вот рухнут и раздавят нас, а может быть, простоят в таком виде ещё сотни лет, или же при непроглядном тумане сильное течение реки вдруг швырнёт нашу лодку об отвесный утес и разобьёт в щепки... Лицо Царевского становилось всё мрачнее и озабоченнее: надо было плыть быстро, чтобы не терять времени, и в то же время осторожно, чтобы не влететь на мель или не разбиться о прибрежные скалы...

Не помню хорошо, на 5-й или 6-й день мы вдруг услышали впереди какой-то адский грохот и завывание, точно как в сказке восстали все силы природы под предводительством всех демонов и фурий, — это гремели те грозные пороги, тот страшный водопад, о котором ходили смутные слухи с утешительным прибавлением, что шум его слышен за много вёрст. Но он совершенно неожиданно оказался пред самым нашим носом. Река уже вся ревела, стонала, клубилась и кипела; адский шум заглушал наши голоса; течение было необычайно быстрое. Раздалась энергичная команда Царевского: «вёсла стоп!», а затем: «пра-

вым вперёд, левым назад!», но все усилия гребцов были совершенно тщетны, — сила течения была такова, что гнула и отбрасывала вёсла, вырывая их из рук гребцов; руль также вырвало из рук Царевского и рукояткой его так сильно ударило ему в грудь, что он лишился чувств и слетел с кормы на дно лодки...

Не успели мы опомниться, как бурным течением понесло нашу лодку прямо к адским, kloкочущим и ревущим пучинам водопада. Гибель, жестокая гибель казалась неминуема... Понесло и... пронесло. Через несколько секунд Мы очутились уже по ту сторону водопада, где река плавно неслась спокойным, ровным, хотя и быстрым течением; туман рассеялся, сияло солнце, и природа точно ликовала вместе с нами, радуясь счастливому избавлению от, казалось, неминуемой гибели...

Царевский лежал без чувств на дне лодки; изо рта его шла кровь. Он скоро очнулся, радостно улыбнулся и... велел осмотреть лодку, не получила ли она повреждения. Действительно, откуда-то, из каких-то невидимых щелей в лодку стала вливаться вода, и мы быстро начали выкачивать её с помощью особых двух деревянных насосов, устроенных по одному у каждого борта лодки по рецепту всё тех же наших предусмотрительных друзей-американцев. Скоро мы нашли и две-три щели, образовавшиеся от частых каменистых мелей и углубившиеся от последней передрыги в пасти чудовищного водопада, сквозь которые просачивалась вода. Это нас хотя и огорчило, но не удивило: гораздо удивительнее было то, как наша лодка не разлетелась в щепки, очутившись «без руля и без ветрил» в адском водовороте грозного порога. И мы здесь ещё раз с гордостью убедились в том, как прочно и искусно была она построена, — какая была лёгкая и какая крепкая...

Чтобы лучше заделать щели и кстати немного отдохнуть от перенесённых треволнений, поразмять свои члены на твёрдой суше, обогреться и обсушиться, мы причалили к берегу и развели костёр. Только тот, кто несколько дней провёл на воде, скупившись в тесной лодке, отдыхая урывками по 3 или 4 часа на дне её, занятый тяжёлой работой у весел, обдуваемый пронизывающими ветрами, под снегом и дождём, часто по пояс и по шею

в ледяной воде, — только тот поймёт, какое блаженство было растянуться на твёрдой земле у пылающего весёлого костра и наслаждаться американским пемикеном, русскими ржаными сухарями и китайским кирпичным чаем...

Завязалась оживлённая беседа о пройденном пути и о предстоящем длинном морском плавании вдоль Ледовитого океана к свободным американским берегам. Уверенность в полнейшей безопасности от погони стала ещё как-то крепче после того, как мы очутились отрезанными от остального мира этими грозными порогами, охраняющими, подобно сказочным чудовищным сторожам, низовья реки Яны. Ни о какой погоне тут, конечно, и речи быть не может. Ну, а если, паче чаяния, погоня и будет, то во всяком случае ей не поздоровится: у нас есть достаточно оружия огнестрельного и холодного — ружей, револьверов, кинжалов, ножей и топоров, чтобы дать надлежащий отпор, и мы давно уже решили, ещё когда только замыслили наш морской побег, живыми в руки не даваться и дорогою ценою продать свою свободу и жизнь... Со свежими силами поплыли мы дальше вниз по реке. Царевский ожил и вдруг бодро запел хохлацкую песню, пользовавшуюся тогда у нас большою популярностью :

«Реве та стогне Днипр широкий...»

и мы все дружным хором подхватили...

Мы уже отмахали более двух тысяч вёрст; характер природы резко изменился: исчезли леса, исчезли скалы и, утёсы; берега Яны стали плоскими, пустынными и унылыми, покрытыми чахлыми кустарниками, а то и совсем голыми. Вскоре сама река разбилась на много рукавов или протоков, и стало очень трудно выбирать, по какому из них плыть, чтобы не заблудиться, не затеряться в этой водяной паутине, не сесть на мель. Эта сеть многочисленных извилистых рукавов, эта паутина и есть то, что в географии называется «дельтой» реки, т.-е. её устьем.

Вследствие низменности берегов, лишённых всякой растительности и сливающихся с водою, широко расстилающеюся перед нами во все стороны, куда только хватал глаз, мы часто думали, что уже достигли океана. Трудно было плыть среди сети

этих неизвестных протоков, ни на какой географической карте не обозначенных и никем никогда не обследованных. Кто знает, ступала ли когда-либо человеческая нога по их берегам?

На 20-й день после отплытия из Верхоянска, 14-го июня, увидели мы перед собою необъятную водяную ширь, на которой синеватым блеском отсвечивалась гряда каких-то светлых туманных громад, тянувшихся бесконечною лентой вдоль всего горизонта, — то были льды, полярные льды, ещё не прогнанные в глубь Ледовитого океана запоздавшею весною...

Наконец-то достаточно измученные и усталые, но счастливые, узрели мы пустынные берега этого океана, наконец-то завершили первый, самый трудный этап нашего побега... Мы причалили к одному из островов, расположенному в одном из многочисленных рукавов дельты Яны, и решили расположиться здесь дня на три, чтобы обсушиться, отдохнуть как следует для предстоящего дальнего океанского плавания и починить лодку, несколько пострадавшую и потрепавшуюся во время долгого и трудного плавания. Вытащив её на берег, мы занялись немедленно починкой — заделкой щелей, после чего должны были вновь осмолить её, а для этого, конечно, первым делом разгрузили её, сложив на берегу все наши запасы... По окончании дневных трудов развели большой костёр из плавника, выбрасываемого здесь в изобилии течением реки и накапливаемого из года в год. Сварили чай, поужинали за оживлённой, радостной беседой и, наконец, счастливые и усталые, расположились на ночлег под тёплыми одеялами у самого порога океана...

По утру нас ждал сюрприз весьма неприятного свойства: мы обнаружили исчезновение нашего несуразного, бестолкового и лукавого французика Люно, захватившего с собой хорошее двустольное охотничье ружье. Это исчезновение можно было объяснить двумя причинами: или он просто, в лучшем случае, тайно от нас и не спросившись отправился попытать счастье на охоте и заблудился, или же, что вероятнее, очутившись у берегов грозного Ледовитого океана и испугавшись предстоящего плавания в утлой ладье по бурным его волнам, трусил и решил тайно покинуть нас и отдаться добровольно в руки властей. И в

том и в другом случае надо было во что бы то ни стало разыскать его и вернуть к нам, потому что, если он встретится с местными жителями, то выдаст нас с головою, и весь наш план побега рухнет, как карточный домик, — и это в тот момент, когда мы уже почти достигли нашей цели, на пороге океана!..

Серошевский и Арцыбушев немедленно отправились на поиски Люно. Следы его были вначале ясно видны на мху, хотя, по видимому, он тщательно старался их замести, но затем они потерялись на берегу одного из протоков, который он, очевидно, перешёл в брод, так как плавать не умел. Целый день потратив на поиски, Серошевский и Арцыбушев вернулись ни с чем поздно вечером, измученные и усталые. Серошевский очень картинно и верно описывает эти поиски в своей повести «Побег», и я приведу здесь несколько интересных строк:

«Солнце село совсем низко и перестало греть. С моря подул холодный и пронзительный ветер. Местность, по которой шли охотники¹, представляла спутанный лабиринт длинных, болотистых промоин, прудиков, луж, озерков, разъединённых низкими грядами мшистой тундры. Чтобы не бродить в холодной и местами глубокой воде, им приходилось постоянно сворачивать и кружиться далеко по болотинам. Наконец, они заметили сухую, выпуклую гряду и направились к ней, чтобы оттуда обозреть окрестности и избрать самый удобный путь. Уже издали их приветствовали жалобные крики увивавшихся над холмиками чаек. Когда они приблизились к ним, целые тучи птиц смело устремились на охотников.

Последние увидели перед собою странное явление — большой птичий город. Густо друг около друга стояли гнёзда, построенные из трав и веточек; на них сидели полки птиц, ничуть не встревоженных появлением людей. Все они повернуты были головками в одну сторону, где между отдельными кварталами сплошных гнёзд тянулись сухие, хорошо утоптаные улицы. По улицам прохаживались, подпрыгивая, птичьи стражи... Охотники остановились. Им жаль было топтать и портить без

¹ Т.-е. Серошевский и Арцыбушев (в повести они названы Красусский и пан Ян).

пользы яйца и гнёзда. Впрочем, ни избрать обходного пути, ни придумать чего-нибудь другого они не умели, так как тучи чаек грозно набросились на них.

Птицы кружились, взлетали и быстро опускались им на головы, угрожая клювами и кривыми когтями их лицам и глазам. Охотники защищались ружьями, били прикладами, но разорённые птицы взлетали лишь на миг, чтобы немедленно наброситься сверху. Несколько раз их когти коснулись шапки и плеч пана Яна. Пронзительный писк, трепетанье крыльев, порывистые движения выводили из себя охотников, мешая им осматривать окрестности. Чтобы прогнать надоедливых пернатых, путешественники дали залп, но результат получился ещё худший. С неописуемым шумом, криком, взмахами крыльев взлетела с земли целая туча птиц и закружилась над врагами. Что значили выстрелы для этих тысяч?! Низко согнувшись, позорно бежали охотники прочь, а птицы преследовали их, ударяя клювами и крыльями по их головам и спинам... Холодный ветер всё стремительнее подувал с моря.

Охотники увидели, как неожиданно с ледяных полей спустился длинный, во всю длину горизонта, вал белого тумана и покатился к ним по черным волнам. Малиновое солнце скрылось до половины во мгле.

«Торопись, торопись!» — понуждал товарища Ян¹. Оба они бежали напрямик, прыгая через лужи, которые поменьше, перебираясь в брод через большие, иногда выше пояса в воде. Ветер переходил в бурю. Туман плыл с быстротою разлива. Первые его облачка, завитушки и всклокоченные языки уже коснулись ступней охотников, обогнали их и покатались в глубь материка. Вскоре охотники брели по колени во мгле... Мгла уже доходила им до пояса. Она покрыла неровности земли, сушу и воды ровной белой пеленой, что сильно затрудняло им выбор пути. То и дело они совершенно неожиданно проваливались в ямы с водою или в болотную тину. Вскоре туман достиг им до шеи, а затем сомкнулся над их головами, окутывая всё белым мраком.

¹ Т.-е. Арцыбушев.

Ветер бешено стал кружить, перегонять и волновать туман, точь в точь как морскую пучину.

Избитые ударами воздуха, иссечённые студёной мглой, не хуже снеговой метели, прозябшие до костей, охотники шли ощупью вперёд, пока, не услышали вдруг оглушительного рёва волн, и чёрные, как сажа, их гребни не хлестнули им под ноги. Тогда они быстро попятились назад, в страхе, что их опрокинут и сметут мгновенно с земли эти чудовищные языки; неожиданно ветер ударил в них с такой силой, что они покачнулись на ногах. Берег дрожал под напором плещущего прибоя. Но свист ветра, шум бушующих водоворотов, стон земли под напором пучины — всё покрывалось растущим рёвом играющего вдали океана...

Они легли рядом в маленькой ложбине и прижались друг к другу, чтобы лучше согреться... Отдохнувши, они поплелись дальше вдоль берега протока и дотащились до самого конца песчаной косы. Они поняли, что забрались слишком на север. Впереди бушевало уже открытое море. Они узнали его по острым, мощным дуновениям, по размерам водяных гор, подымавшихся и падавших среди туманов с мерным гулом, похожим на взрывы вулкана, наконец, по большей белизне реявшего над водой тумана. В сравнении с тем, что происходило здесь, рёв волн в проливе показался им ничтожным лаем собак...»¹.

Итак, поиски Люно в этот день не привели ни к чему. Решили на другой день возобновить их, обшарив соединенными силами весь небольшой остров, на котором мы остановились и который был со всех сторон отрезан протоками Яны, но и эти поиски остались безрезультатными.

Мы уже достаточно отдохнули, починили нашу лодку, всё было готово к отплытию в широкий океан; терять дальше драгоценное время было бы уже легкомысленно и даже преступно. Но... мы всё-таки решили подождать ещё один день. Как ни злились мы на этого вздорного французика Люно, но некоторое сомнение, а за ним и жалость вкрадывались к нам в душу: а что,

¹ Вацлав Серошевский, т. IV, «Побег», издание Тов-ва «Знание» 1908 года, стр. 351—357.

если он, отправившись на охоту, просто заблудился? Как же мы бросим его на произвол судьбы, на мучительную смерть от голода или на растерзание дикого зверя, — мы, которые почти насильно завезли его сюда? И мы решили, скрепя сердце, подождать ещё день с тем, чтобы, если он не отыщется, поплыть дальше, оставив ему причитающиеся на его долю запасы провизии... А море так и манило в этот день своим широким простором.

Дул с земли попутный ветерок; вдали на горизонте синели ледяные горы, играя на ярком солнце всевозможными цветами радуги... «Ну, ничего, — решили мы, — потерпим ещё денёк и — марш в Америку!»

Весело провели мы этот день в дружных, окончательных приготовлениях к отплытию, в нескончаемых разговорах о близкой свободе... Спать улеглись невдалеке от своей лодки, постлавши па влажной земле мягкие оленьи шкуры, раздевшись как следует и укрывшись тёплыми заячьими одеялами, — летняя ночь на берегу Ледовитого океана не отличается особенной теплотой. Хотелось всласть выспаться перед отправлением в полнейшей безопасности на этом пустынном, заброшенном уголке земного шара...

Проснувшись случайно через несколько часов, я был поражён густым влажным белым туманом, застилавшим всё пространство какой-то непроницаемой завесой, подымавшимся с земли и сливавшимся с небом. Такого тумана я ещё никогда не видел.

Когда я, поражённый этим зрелищем, с невольным любопытством стал разглядывать эту густую, но как бы движущуюся туманную завесу, мне вдруг почудились за ней какие-то тени, какие-то странные призраки не то людей, не то привидений. Как ни слипались мои глаза от сна, но я не мог оторваться от фантастического зрелища: что-то как будто, действительно, двигалось за этой туманной пеленой, когда она на мгновение прорывалась в том или другом месте. Но новая полоса тумана моментально закрывала прореху, и трудно было решить, действительность ли это, или плод сонной фантазии.

Наконец, я не выдержал и разбудил крепко спавшего возле меня Царевского, рассказав ему о странных привидениях, которые опять в этот момент зашевелились фантастически в туманной дали и в большем как будто количестве. Царевский взгляделся и громко воскликнул: «Да это — люди! Это, должно быть, погоня! Ребята, вставайте живее! Одевайтесь живо, живо!».

Все стали просыпаться, но... было уже поздно: призраки в это время как-то сразу вынырнули из туманной завесы или, вернее, туманная завеса как-то сразу разорвалась, исчезла, и мы увидели перед собою на почтительном расстоянии, менее ружейного выстрела, целый отряд вооружённых людей, и одновременно раздался умоляющий и дрожащий голос из их среды по нашему адресу: «Господа, ради бога не стреляйте! Мы вам ничего не сделаем, решительно ничего, только не стреляйте ради бога!» Но что мы могли сделать при всём желании «стрелять», когда мы, в своей беспечности, лежали тут голые и беспомощные, а наши ружья и револьверы лежали где-то далеко от нас, даже не заряженные?!..

В ответ раздался иронический голос Царевского и ещё двух-трёх наших товарищей: «Не пугайтесь! Мы стрелять не станем! Видите, мы голые!».

Осторожно и неуверенно эти люди стали приближаться к нам полукругом всё ближе и ближе, и мы увидели странное и не особенно приятное зрелище: помощник верхоянского исправника с охотничьим ружьём наготове, человек 10 верхоянских казаков, вооружённых кремневыми ружьями на перевес, и несколько десятков тунгусов и юкагиров, полуголых и вооружённых самыми первобытными луками и стрелами с железными наконечниками у туго натянутой тетивы... Пришлось горько признаться, что нас накрыли врасплох, как мальчишек, и что мы должны сдаться позорно и без боя этим презренным трусам, вооружённым самым первобытным способом, и что не будь мы застигнуты так врасплох, мы легко справились бы с этой оравой и обратили бы их в дикое бегство. Но судьба решила иначе, и нам ничего не оставалось, как покориться...

Они недоверчиво, с опаской и пугливо приближались к нам и, наконец, убедившись в нашем полнейшем беспомощном миролюбии, окончательно подошли. Командовавший отрядом новый помощник верхоянского исправника Карзин, высокий, полный чиновник с каштановой бородкой и такими же усами, вежливо поздоровался с нами за руку и выразил свою живейшую радость по поводу того, что дело обошлось без сражения и кровопролития, а также своё сожаление о том, что долг службы повелевает ему вернуть нас немедленно в Верхоянск... В доказательство искренности нашего миролюбия и для своего успокоения он попросил выдать ему всё наше огнестрельное и холодное оружие, и, когда мы исполнили его требование, он всё-таки несколько недоверчиво и опасливо спросил: «А бомб у вас нет?». И был необычайно обрадован, получив отрицательный ответ. Оказывается, они были почти уверены, что у нас имеется с собой чуть ли не целый арсенал динамитных бомб... Через несколько часов мы плыли уже в той же лодке, по той же Яне, но уже обратно, вверх по течению, причём лодку нашу тянули бечевой казаки и туземцы, а мы сидели «важными господами», бесплатными пассажирами...

Целых три недели плыли мы до Верхоянска, большею частью бечевой, а местами, где не позволял высокий берег, и на вёслах... В своём подробном официальном донесении о нашей поимке верхоянский исправник в следующих выражениях описывал самый момент нашего задержания: «Густой морской туман скрывал приближение к беглецам лодок г. Карзина, а сильный и порывистый северный ветер заглушал шум вёсел этих лодок так, что беглецы заметили своих преследователей только тогда, когда последние высадились невдалеке от них на берег и подошли к ним на самое близкое расстояние, так, примерно, на пол-выстрела охотничьего дробового ружья»¹.

¹ Эти строки я цитирую из только-что появившейся книги М. Кротова «Якутская ссылка 70-80 г.г.» стр. 109.

2. После побега

Но каким же образом был раскрыт наш побега и каким образом настигла нас погоня, да ещё так врасплох? Единственным виновником нашей ужасной неудачи был не кто иной, как всё тот же французик Люно, бывший всё время каким-то несчастием, проклятием нашей политической ссылки... Мы вынуждены были, так как другого исхода не было, почти насильно взять его с собою в качестве участника побега, и он же отчасти бессознательно, отчасти по свойственной всем идиотам хитрости, коварству и подлости погубил нас.

Как оказалось впоследствии, Люно ещё месяца за два до побега заказал одному якуту привести ему корову на летнее пользование, о чём не предупредил нас, когда мы, перед самым отплытием, открыли ему тайну нашего побега. И вот дней через 6 после нашего побега этот якут привёл злополучную корову к «французу»¹ и, не застав его дома, а юрту запертой на замок, пошёл разыскивать его у политических ссыльных и всюду находил юрты их запертыми снаружи. Весть об этом скоро дошла до «начальства», которое сперва не придавало этому обстоятельству особого значения, полагая, что ссыльные ушли куда-нибудь недалеко на охоту (к подобным невинным отлучкам мы постепенно приучили администрацию уже давно, на всякий случай). Но всё-таки собирание сведений и розыски начались, и когда юрта братьев Тараскиных, не имевших ничего общего с политическими ссыльными, также оказалась запертой, а возле неё замечены были сохранившиеся следы нескольких пар человеческих ног, ведущие к реке Яне, и широкая борозда от лодки, ведущая также к реке, то администрация встревожилась не на шутку. Расспросы у местных и приезжих прибрежных якутов подтвердили, что некоторые из них видели плывущую вниз по Яне большую лодку, а в ней много русских. Сомнений не было: не хватало семерых политических и двух скопцов Тараскиных, — ясно, что как это ни невероятно, они бежали!..

¹ Все жители Верхоянска так звали Люно заочно, а в глаза «мусью».

Немедленно полетел нарочный в Якутск с донесением о бегстве семи «важных государственных преступников», — шутка ли сказать! Мы, конечно, стали особенно «важными» с того момента, как убежали — по пословице: «Что имеем не храним, — потерявши плачем»... В этом донесении верхоянский исправник сообщал, что по его предположению беглецы направились к устьям реки Яны, где их легко настигнуть, так как, писал он, «окраины северного моря у устья впадающих в оное рек должны очиститься от льда, как известно, не ранее половины или даже конца июня, и если беглецы проберутся до моря, то весьма вероятно, что они будут задержаны там на первое время льдами»¹.

Исходя из этих соображений, верхоянский исправник и отправил 3-го июня в погоню за нами целую «экспедицию» на двух больших лодках («карбасах») под начальством своего помощника Карзина в составе начальника верхоянской казачьей команды Холмогорова, лекарского ученика Агеева (на случай ожидаемого кровопролитного сражения с нами) и человек 10 казаков. К ним в пути присоединилась, в качестве «переменного состава», орава местных уроженцев из якутов, тунгузов и юкагиров,

С своей стороны якутский губернатор генерал Черняев, получив ошеломляющее известие о дерзком побеге семи «важных государственных преступников», вспомнил, как рассказывается в официальных источниках, что «один из бежавших, С. Лион, был переводчиком у американцев во время бытности их в Верхоянске и, следовательно, ему хорошо известно географическое положение моря, как и пространство до моря, т.-е. те места, которые проходили американцы. Точно также он знает, что американцы оставили на Быковом мысу морской вельбот² и провизию в значительном количестве из заготовленной для американцев в прошлую зиму»³. Исходя из этих глубокомысленных

¹ См. М. Кротов, «Якутская ссылка 70-80 г.г.», стр. 107.

² Вельботом называется у американцев и англичан китоловная лодка. В данном случае лодка, бывшая в экспедиции «Жанетты», была построена на манер китоловной, и по её же образцу была построена и наша лодка, по указаниям и чертежам наших американских друзей.

³ Кротов, стр. 108.

соображений и предполагая, что мы для захвата упомянутых вельбота и провизии направимся из устьев Яны не на восток, а на запад, берегом океана к устьям реки Лены до Быкова мыса, Черняев снарядил из Якутска¹ экспедицию вниз по реке Лене до Быкова мыса.

Экспедиция эта состояла из 10 казаков при одном офицере, к которым также присоединились «переменники» из числа местных уроженцев полудикарей. Наконец, на всякий случай, чтобы предусмотреть и пресечь все возможности и все шансы, была снаряжена ещё 3-ья поимочная экспедиция из г. Средне-Колымска, отстоящего на восток от Верхоянска в расстоянии около 3500 вёрст — на среднем течении реки Колымы, к устьям этой реки до океана наперерез нам.

Если бы нам удалось проплыть вдоль океана от устьев реки Яны на восток около трёх тысяч вёрст — до устьев реки Колымы, то нас должна была в этих местах задержать эта последняя, колымская, экспедиция... Словом, надо отдать справедливость якутской администрации: она не пожалела ничего и сделала всё для нашей поимки... Тем не менее, все три снаряжённые ею экспедиции потерпели бы несомненный крах, если бы на помощь им не пришла сама судьба в лице нашего злого гения-французика Люно. Мало того, что, благодаря заказанной им корове, слишком рано было открыто наше бегство, он, предательски покинув нас, чтобы вернуться и сдаться ближайшим властям, успел отойти от нас на юг только 40 вёрст и попал в лапы верхоянской экспедиции под начальством Карзина, которому и рассказал подробно, где мы находимся, что делаем, каково наше состояние, сколько нас человек и т.д. Поэтому Карзину и удалось застигнуть нас врасплох всего за несколько часов до отплытия нашего в океан. Не будь этого предательства, никогда ни Карзину, ни остальным двум хитроумным экспедициям не удалось бы поймать нас...

Правда, быть может, нам не удалось бы добраться благополучно до гостеприимных берегов Америки, так как мы могли

¹ Якутск расположен на среднем течении реки Лены, верстах около 3000 от её устьев.

погибнуть во время какой-нибудь океанской бури, подобно лейтенанту Чиппу с его 7 товарищами, — это другое дело; но поймать нас и вернуть обратно в Верхоянск никогда бы, без помощи Люно, не удалось нашим врагам...

Во время обратного нашего плавания вверх по Яне в Верхоянск Карзин и его казаки были с нами безукоризненно вежливы, тем не менее, настроение наше было, понятно, очень подавленное. Такое неожиданное крушение всех наших надежд в тот момент, когда океан был уже у самых наших ног, когда оставалось всего несколько часов, и мы были бы уже на его просторе вне всяких пределов досягаемости! И вместо свободной Америки, нас ожидает ещё ухудшение нашей участи...

Но особенно нас беспокоила участь наших товарищей по бегству — Андрея и Григория Тараскиных, так как они были ссыльно-поселенцы, сосланные по суду с лишением всех прав состояния и, по тогдашнему варварскому закону, подлежали за побег наказанию плетьюми и ссылке в каторжные работы. То же наказание угрожало и Серошевскому, но за него мы были спокойны, так как были уверены, что администрация не посмеет наложить свою лапу на политического, особенно после выстрела Веры Засулич в петербургского градоначальника Трепова¹.

Но вскоре после водворения нашего в Верхоянске мы получили сведение, что исправник хочет арестовать Андрея Тарас-

¹ 13 июля 1877 года в Петербурге в доме предварительного заключения разыгралась следующая трагедия: туда явился для осмотра тюрьмы обер-полицеймейстер генерал Трепов и, между прочим, увидел на прогулке бывшего студента Боголюбова, осуждённого в каторжные работы за участие 6 декабря 1876 года в Казанской демонстрации. Боголюбов был в шапке. Это привело Трепова в ярость, и он стал «тыкать» Боголюбова и требовать от него, чтобы тот снял шапку, а когда Боголюбов не повиновался, то, пользуясь тем, что Боголюбов был лишён «всех прав состояния», велел его высечь, что и было исполнено. Такое издевательство над человеческой личностью вызвало всеобщее негодование в русском обществе, и мстительницей явилась революционерка Вера Засулич, которая 24 января 1878 года, явившись в приёмную Трепова под видом скромной просительницы, выстрелила в него из револьвера и тяжело ранила. В апреле её судили судом присяжных, которые оправдали её, к величайшему удивлению правительства и восторгу лучшей части русского общества. Надо отметить, что защита личного достоинства политических заключённых и ссыльных от посягательств «начальства» стояла на первом плане у революционеров, которые дорожили честью своей и товарищей своих более, чем своею жизнью, и доказали это на деле неоднократно.

кина. Желая его спасти от угрожающего ему тяжёлого наказания, я немедленно послал исправнику записку следующего содержания: «Обращаю Ваше самое серьёзное внимание на ниже следующее: Андрей Тараскин придерживается теперь социалистических убеждений, и я считаю его своим товарищем; поэтому Вы должны обращаться с ним так же вежливо, как со мною и как я обращаюсь с Вами. Вы не должны «тыкать» ему, ни оскорблять вообще ни словом, ни действием; тогда и он, конечно, не станет оскорблять Вас и будет столь же вежлив с Вами. В случае, если Вы нанесёте А. Тараскину хотя малейшее оскорбление, я сочту это за оскорбление, нанесённое мне лично, и сообразно с этим и поступлю. Говорю серьёзно и решительно, во избежание недоразумений. 30 июня 1882 г. С. Лион»¹.

Записка возымела свое действие: исправник не тронул Тараскина. Через несколько месяцев обоих Тараскиных затребовали в Якутск, где посадили в тюрьму. 13 февраля 1883 года тюрьму посетил якутский полицеймейстер и беседовал с Андреем Тараскиным, обращаясь с ним, как с простым уголовным преступником. Тогда Тараскин дал ему пощёчину, чтобы, как он заявил на следствии, «заставить смотреть на себя, как на члена социалистической партии; так как ему было досадно, что в нём признавали уголовного преступника и простого скопца, своим проступком он желал предать гласности свою принадлежность к социалистической партии и свои убеждения». В виду создавшегося вследствие этой пощёчины довольно грозного положения для Андрея Тараскина, обоих Тараскиных приняли под свою защиту содержащиеся там в то время некоторые политические ссыльные (в том числе мой товарищ по верхоянской ссылке Стопани) и заявили официально, что Тараскиных «они приняли в свою среду, а потому и будут защищать, и если Тараскиных, как уголовных, накажут телесно, то со стороны политических

¹ М. Кротов, стр. 122.

«может последовать история вроде поступка Засулич и выстрела в забайкальского губернатора»¹.

Как и следовало ожидать, администрация не решилась применить телесного наказания ни к одному из Тараскиных, — ограничились тем, что перевели их за побег в один из более отдалённых наслегов Верхоянского округа. Меня перевели в Средне-Колымск, Серошевского и Люно — в один из наслегов Колымского округа, Зака — в один из наслегов Верхоянского округа, а остальным товарищам (Арцыбушеву, Александровой и Царевскому) прибавили только полгода срока ссылки и оставили в Верхоянске.

3. Средне-Колымск

Итак, я переведён в какой-то Средне-Колымск, о котором я только знаю, что он, как и Верхоянск, находится за северным полярным кругом и отстоит от Верхоянска на расстоянии около 3500 вёрст на восток, — в самую глубь азиатского материка, ещё неизмеримо дальше от Якутска и от всего цивилизованного мира, — в страну диких чукчей, которых, за чрезвычайною отдалённостью, даже царское правительство не сумело покорить, и которые поэтому сохранили в значительной степени свою формальную независимость. По закону, за побег административно-ссылного полагался арест не свыше трёх месяцев, но царское правительство руководствовалось законом только в тех случаях, когда он был достаточно жесток; в противном случае оно. расправлялось «административным порядком».

В переводе меня в Средне-Колымск заключалась, помимо жестокости, ещё немалая доля дьявольской иронии, быть может, и бессознательной, но, тем не менее, реальной: ты хотел бежать в Америку, направляясь на восток берегом Ледовитого океана,

¹ В мае 1882 г. с Карийской каторги путём подкопа бежал ряд видных революционеров. Генерал-губернатором Забайкальской области Ильяшенко была снаряжена настоящая «карательная экспедиция», которая зверски избила заключённых. Мария Кутитонская — революционерка, находившаяся в это время на поселении в одном из городов Забайкальской области после отбытия каторжных работ, решила отомстить Ильяшенко: под видом просительницы она проникла к нему в кабинет и выстрелила в него, но промахнулась.

мимо устьев реки Колымы и далее; так вот на берега Колымы, ближе к Америке, мы тебя и ссылаем, — «Ты этого сам хотел, Жорж Данден!» (как говорится в одном из романов известного французского писателя Гюи-де-Мопасана)...

Наступил тяжёлый час разлуки с товарищами, с которыми пришлось делить до сих пор столько тяжёлых, тоскливых, мучительных часов, дней, недель и месяцев изгнания, столько мук, нужды, голода и холода, а подчас переживать и редкие минуты бодрых надежд, великих чаяний близкой, грядущей социальной революции, дивных мечтаний о возвращении туда, в далёкую, бесконечно-далёкую и бесконечно-милую родную сторону, где осталось всё, всё, что было дорого на земле... И вновь мы перебирали в памяти ещё столь свежие, светлые воспоминания о нашем морском побеге, — как мы мчались вниз по реке Яне точно на крыльях свободы, вспоминали, как мы были уже у самого берега Ледовитого океана, когда «счастье было так близко, так возможно», и всё рухнуло из-за проклятого француза...

А может быть, всё к лучшему? Может быть, мы погибли бы, подобно лейтенанту Чиппу с его товарищами, в холодных волнах Ледовитого океана и никогда Америки не увидали бы? Может быть, поймав нас, русское правительство оказало плохую услугу себе и хорошую нам? Кто знает!

Да, тяжёл и грустен был час разлуки! Увидимся ли когда-либо вновь? Из разных концов необъятной России — от Одессы до Архангельска, от Варшавы до Курска — судьба, в лице царского правительства, свела нас вместе в Верхоянске, и та же судьба теперь, спустя несколько лет, когда мы так сблизились друг с другом, разъединяет нас, разбрасывает по разным гиблым местам гиблой Якутской области...

И действительно, больше мне никогда не пришлось встретиться ни с одним из них... О судьбе доктора Белого я узнал лишь два года тому назад, когда, уже после его смерти, последовавшей в 1922 году, в журнале «Каторга и ссылка» начали печататься его интересные и правдивые «Воспоминания ссыльного

80-х годов»¹. О Серошевском я услышал впервые лет десять спустя, когда слава о нём, как о «нашем талантливом писателе» разнеслась повсюду, как «по всей Руси великой», так и во всем цивилизованном мире. О судьбе остальных товарищей узнаю впервые, лишь теперь из упомянутой книги Кротова «Якутская ссылка 70-80-х годов»...

Стояла уже лютая верхоянская зима, был ноябрь месяц, когда я тронулся из Верхоянска в далёкий Колымский край, напутствуемый добрыми пожеланиями товарищей. Я ехал при очередной почте на нартах, запряжённых неповоротливыми, ленивыми якутскими лошадьми, в сопровождении одного казака и двух якутов-ямщиков; всего в «почте» были две нарты. Я не стану описывать здесь подробностей этого бесконечного и мучительного путешествия, продолжавшегося более двух месяцев, с его лютыми морозами, доходившими до 60 градусов по Реомюру², с кошмарными ночлегами то в поварнях, то совсем на открытом воздухе, — эти прелести путешествия по пустынному тракту Якутской области я уже описал в недавно вышедшей книге «Революция в тюрьмах и за полярным кругом»³, где подробно описано моё путешествие из Якутска в Верхоянск. Вся разница, к великой моей невыгоде, в том, что, во-первых, тогда я ехал в феврале, когда дело уже шло к «весне» и морозы ослабели настолько, что не превышали 40 градусов, тогда как теперь был разгар зимы, и морозы доходили до 60 градусов; во-вторых, путешествие от Якутска до Верхоянска продолжалось всего с месяц, а от Верхоянска до Средне-Колымска — более двух месяцев и, в-третьих, чем дальше подвигались мы на восток в глубь Якутской области, тем реже становилось население и тем дальше отстояли друг от друга жилые поселения, так что

¹ «Каторга и ссылка» за 1923 г. №6; эти воспоминания продолжают печататься до сих пор и представляют ценный материал для истории ссылки вообще и верхоянской в частности.

² -75° Цельсия. — прим. OCR.

³ Издательство «Новая Москва», 1925 г.

приходилось ехать от жилья до жилья дней 6 или 7, а в промежутках ночевать то под открытым небом, то в избушках на курьих ножках, именуемых «поварнями»¹...

Колымский округ занимает несколько меньшее пространство, чем Верхоянский, но всё-таки превосходит площадь всей довоенной Германии, и в то время, как население довоенной Германии составляло около 70 миллионов, в Колымском округе числилось всего 10 тысяч человек, — меньше, чем в Верхоянском округе, в 6 раз². При всей малочисленности населения Колымского округа, оно отличается большой пестротой или, точнее сказать, разноплеменностью: тут и якуты, и русские, и тунгузы, ламуты, юкагиры, чукчи, — всего понемножку. Русские, в том числе и казачье сословие, очень объякутились, говорили большею частью на отвратительном каком-то русском жаргоне, с большой примесью якутских слов.

Дорога шла большею частью по бесконечным снежным равнинам, окаймлённым на далёком горизонте мелким лесным бордюром. Эти равнины представляют или безлесную тундру, превращающуюся летом в бесконечное топкое болото, пересечённое ямами и трясинами, наполненными ледяной водой, или громадные, ныне скованные морозом, озёра. Но местами ландшафт резко менялся, мы пересекали гористые пространства, горные цепи и вершины, дающие начало таким громадным рекам, как Индигирка, Омолон, Анюй, Колыма, с их притоками. Горы эти являются отрогами Верхоянского хребта и далее великого Станового хребта, отделяющего с юга Якутскую область от Иркутской губернии и Дальне-Восточной республики. Эти величественные горы, сверкавшие разноцветными глыбами и ска-

¹ Поварни расположены обыкновенно у опушки леса; в них имеется камелёк, так что путник может отогреться и переночевать под кровом, а не под открытым небом.

² Площадь Верхоянского округа составляет 935.000 кв. вёрст, Колымского — 604.000, довоенной Германии — 500.000 кв. вёрст; население Верхоянского округа составляет 15.000, т.-е. на 1 кв. версту 1/50 человека, Колымского округа около 7.000, т.-е. 1/86 человека, в Германии — 100 человек; таким образом, густота населения в Германии в 5.000 раз больше, чем в Верхоянском округе и в 8.600 раз больше, чем в Колымском округе.

лами, представляли необычайно красивое зрелище, как-то бодрившее и поднимавшее настроение после бесконечных, унылых снежных пустынь, наводящих безысходную, щемящую тоску...

Стоял жестокий январский мороз 1883 года, градусов этак на 50 по Реомюру, когда мы подъезжали, наконец, к Средне-Колымску, окутанному морозным туманом, продрогшие и осыпанные обледенелым морозным инеем. К нам радостно выбежал навстречу чуть не весь столичный «город» обширного Колымского округа, — ведь с нами приехала долгожданная почта, которой не было уже месяцев 5. В ней были «свежие» газеты приблизительно за июнь месяц, такие же «свежие» письма, а также жалованье всем чиновникам, казакам, ссыльным и т.д. Это был настоящий праздник для этого заброшенного, жалкого и всеми забытого уголка той обширной царской державы, раскинувшейся «от хладных финских скал до пламенной Колхиды» и от Балтийского моря до Тихого океана, которая представляла в то время в сущности одну обширную тюрьму, с решётками и без решёток...

Средне-Колымск немногим больше Верхоянска, — домов сто. Единственное его преимущество по сравнению с Верхоянском заключалось в том, что большинство домов представляли собой не якутские юрты с их наклонными стенами, а обыкновенные русские деревянные избы-срубы из прочного леса, с прямыми стенами, но без крыш, т.-е. с плоскими потолками, в которые проходят трубы от камельков, как и в юртах; вместо стёкол такие же льдины зимой, а летом бумага или налимья кожа, или волосяная сетка и тому подобные суррогаты. Зато внутри такой избы здесь, в Средне-Колымске, не помещается домашний скот, как в якутских юртах. Жителей в Средне-Колымске не более 400 человек, но зато масса собак — главным образом ездовых, так как езда на собаках очень распространена в пределах Колымского округа, особенно на север от Средне-Колымска вплоть до Нижне-Колымска, крошечного посёлка в устьях реки Колымы у самого берега Ледовитого океана. Собаки, таким образом, составляют здесь почти нормальный способ передвижения, но,

тем не менее, когда они с наступлением вечера начинают дружным хором свой обычный вой, протяжный, тоскливый и заунывный, резко нарушающий тишину бесконечной полярной ночи, — вой, от которого никуда не скроешься и никуда не уйдёшь, то, бывало, проклинаешь их от всей души и, кажется, с удовольствием истребил бы их всех до последней.

Собаки эти необычайно выносливы и неутомимы в езде, крайне неприхотливы, едят что угодно и сколько угодно, а могут и совсем ничего не есть в течение многих дней; питаются главным образом рыбой, пока таковая имеется у хозяев. Во время голодовки — а это бывает регулярно каждую весну, когда истощаются запасы рыбы на исходе бесконечной зимы, — терпеливо выносят голод, питаюсь остатками рыбьих костей, кожаными ремнями и всякой другой дрянью. Отличаются они от наших обыкновенных собак ещё своею дикостью, так что представляют нечто среднее между домашней собакой и диким волком; я бы их назвал дикими собаками или домашними волками.

Ежегодные весенние голодовки колымских жителей происходят скорее от их некультурности, чем от скудости местной природы, потому что многоводная река Колыма необычайно богата рыбой всевозможных сортов, в особенности красной, например, дивной нельмой. Летом, когда её имеется в изобилии, жители, поймав громадную нельму, фунтов на 20 или 30, едят только одну печёнку, необычайно вкусную, а всю остальную рыбу отдают собакам. Солить рыбу в прок и сохранять в погребах не умеют, да и соль чрезвычайно дорога и нет её в достаточном количестве, так что зимою едят её в отвратительном, вонючем виде, как и в Верхоянске. А между тем река Колыма гораздо богаче рыбой, чем Яна, и рыба составляет основную пищу колымчан.

«От судьбы не уйдёшь»; «гора с горой не сходится, а человек с человеком всегда встретится». Эти пословицы вспомнились мне, когда я в Колымске опять встретил Кочаровского уже в качестве колымского исправника.

Он был переведён сюда незадолго перед этим из Верхоянска, а верхоянским исправником был назначен его бывший помощник, хитрый дипломат Ипатьев, давно уже ведший тайные подковы под Кочаровского путём доносов насчёт его будто бы потакания политическим и т.п. После нашего побега участь Кочаровского, очевидно, была решена.

С своей стороны я был очень рад переводу Кочаровского, так как мы друг к другу уже привыкли, и он относился к политическим ссыльным вообще и ко мне в частности весьма снисходительно — с большим уважением и вежливостью, не прибегая ни к каким придирам.

Средне-Колымск расположен на левом берегу реки Колымы, в среднем её течении, имеющей здесь ширину около 2 вёрст, а в устьях (в дельте) она имеет около 75 вёрст, разбиваясь на громадную сеть протоков, усеянных островками; в длину река Колыма имеет около 2.000 вёрст, очень многоводна, судоходна и богата рыбой. У самого города в неё впадает приток Анкудин, разделяющий город на 2 части — старую, низменную, и новую, расположенную на высоком, крутом берегу Анкудина, где находятся, между прочим, полицейское управление, казённые амбары и другие казённые здания.

Из числа ссыльных я застал в Средне-Колымске только двух, живших здесь ещё с 1880 года: Исаака Лазаревича Чудновского и Павла Захаровича Рябкова. Чудновский старше меня всего на 1 год, был мой старый знакомый ещё по совместному этапному путешествию от Одессы до Иркутска¹; как и я, он был признан одним из зачинщиков «бунта» в Красноярской тюрьме² и сослан за это, вместо города Киренска, Иркутской губернии, за 8 тысяч вёрст дальше, в Средне-Колымск. Чудновский, хотя не имел ни гимназического, ни университетского дипломов и получил «только» домашнее воспитание и образование, был очень образованный и начитанный человек, с которым было очень при-

¹ Смотри: С.Е. Лион, „От пропаганды к террору“, изд. „Новая Москва“, 1925 г.

² См. подробное описание этого «бунта»: С.Е. Лион, „Революция в тюрьмах и за полярным кругом“, изд. „Новая Москва“, 1925 г.

ятно и интересно побеседовать и поспорить о всевозможных вопросах, имевших для всех нас всегда такой животрепещущий интерес; кроме того, это был человек в высшей степени прямой и честный, с независимым и отчасти даже гордым характером.

Совсем другого типа был Рябков, который был старше меня лет на 7. Высокого роста, тонкий, с довольно окладистой чёрной бородой, с впалой грудью и с начинавшейся уже чахоткой, нажитой в тюрьмах и бесконечных этапах, образованный и в высшей степени мягкий и симпатичный, Рябков был идеальным товарищем, терпеливым и всегда бодрым, безропотно несшим тяжкий крест ссылки в этом крайнем пункте цивилизованного мира, Особенно тяжело это было для его надломленного здоровья, нуждавшегося в благодатном климате Италии или Южной Франции, а он был заброшен, по воле российского самодержавия, за северный полярный круг, в дикую страну чукчей и тунгузов, «как закоренелый социалист и личность весьма вредная»¹. Как землемер по профессии, он прекрасно чертил и рисовал и для развлечения предложил мне нарисовать с натуры мой портрет. Я тем охотнее согласился, что в Колымске, конечно, никаких фотографов не было. И вот летом того же 1883 года Рябков усадил меня на улице возле моей избы, и я позировал в течение нескольких сеансов. Портрет, нарисованный простым карандашом, вышел очень удачным в смысле сходства².

Рябков был освобождён из колымской ссылки в том же 1883 году, через несколько месяцев после моего водворения в Колымск, а Чудновский немного позже, в 1884 году. Таким образом, я хоть на первое время, пока не приспособился к новым условиям колымской ссылки и не завёл некоторых знакомств с местными обывателями, был не одинок. А ничего ведь нет хуже полного нравственного и умственного одиночества в этих гиблых местах.

Единодушным опытом политических ссыльных признано, что гнетущее однообразие и мертвечина, тех палестин, куда ссылало своих врагов царское правительство, отсутствие каких-

¹ М. Кротов, «Якутская ссылка 70-80 г.г.», стр. 214.

² Он приложен к моей книжке „От пропаганды к террору“.

либо впечатлений и живой жизни имеют своим неизбежным последствием то странное на первый взгляд явление, что товарищи по ссылке рано или поздно успевают до такой степени надоесть друг другу, что является непреодолимая потребность не видеть их хоть некоторое время, хотя бы часть дня; является потребность уединиться от них, чтобы остаться одному со своими мыслями, разобраться в своих чувствах и впечатлениях и т.д. Основываясь на этом опыте, мы, товарищи по ссылке в Средне-Колымске, поселились каждый в отдельности. Я нанял избу в стиле обыкновенной деревенской хаты-сруба, состоявшей из одной комнаты с камельком у задней стены. Дверь, обитая оленьей шкурой, открывалась прямо на улицу, так что зимою клубы морозного воздуха врываются прямо в комнату и обдавали ледяной струёй, а летом, вслед за входящим, врываются в комнату тучи кровожадных комаров. Камелёк — это, конечно, не то, что печь: пока камелёк топится, в комнате сравнительно тепло, и если камелёк очень жарко истоплен, то тепло продолжается несколько часов после закрытия трубы; но за ночь комната остывает до такой степени, что вода к утру неизменно замерзает и превращается в лёд. Сидишь в комнате целый день весь в мехах, так сказать: меховые брюки, меховые чулки, меховой жилет, меховая куртка и меховая шапка; ночью укрываешься меховым одеялом...

Когда через несколько месяцев после моего водворения в Колымск уехали Рябков и Чудновский, и я остался совершенно одинок в культурно-политическом отношении, то я решил принять энергичные меры против возможных пагубных последствий одиночества. Правда, за всё время предыдущего пребывания моего в верхоянской ссылке у нас не было среди товарищей ни одного случая самоубийства или сумасшествия, но такие случаи, как известно, бывали нередко в других местах политической ссылки; кроме того, от пана Яна и некоторых других обывателей Верхоянска я слышал о трагической участи Ивана Александровича Худякова, который был сослан в Верхоянск по знаменитому процессу «Каракозовцев», т.-е. за ту или иную прикосновенность к покушению Каракозова 4 апреля 1866 года на

жизнь Александра II¹. По приговору верховного Уголовного Суда от 24 сентября 1866 года Худяков был признан виновным только в том, что он знал о существовании и целях тайного революционного общества, имевшего целью цареубийство, и приговорён за это к ссылке на поселение в г. Верхоянск, с лишением всех прав состояния. Он и прибыл сюда в апреле 1867 года. Ему тогда было всего 25 лет; он был хорошо образован и полон жизни и энергией, жаждал умственной работы, жаждал деятельности на пользу народа и взамен был осуждён на мучительное бездействие, смерти подобное. Попав, в Верхоянск, Худяков очень метко охарактеризовал его как город, в котором «только и новостей, если кто увидит что-либо диковинное во сне». Шли дни и месяцы, тоска снедала его; года через два он уже писал матери с свойственной ему скорбной и едкой иронией: «если вас спросят, кто самый несчастный человек на свете, отвечайте: тот, кто поставлен в бесконечно-бессрочное бездействие и гниёт заживо не от отсутствия сил или способностей, а от отсут-

¹ Александр II в это время пользовался большой популярностью среди более зажиточных крестьянских масс и широких слоёв общества, благодаря состоявшемуся по его манифесту 19 февраля 1861 года освобождению крестьян от крепостной зависимости (хотя и очень урезанному и скомканному в пользу помещиков и дворян), а также благодаря введённому им новому гласному и состязательному суду по европейскому образцу с участием присяжных заседателей и сторон, местному выборному самоуправлению в виде Уездных и, Губернских Земских собраний, на которые общество смотрело, как на предтечу ожидаемой конституции, и т.п. Даже знаменитый революционный публицист А.И. Герцен, живший в эмиграции в Лондоне и сделавший так много для пробуждения русского народа от рабской спячки набатным звоном издаваемого им в Лондоне периодического журнала «Колокол», — даже Герцен приветствовал Александра II после манифеста 19 февраля 1861 года знаменитой статьёй, начинавшейся словами: «Ты победил, Галилеянин!» И лишь немногие выдающиеся умы, вроде Чернышевского, Михайлова, а после них Каракозова и его единомышленников, понимали всю ложь этих «великих реформ», вынужденных у царя и «даруемых» народу в таком исковерканном и урезанном виде, что поэт Некрасов прав был, когда писал по поводу освобождения крестьян: «Разорвалась цепь великая и ударила одним концом по барину, другим по мужику!»... Поэтому нужен был необычайный героизм, необычайная любовь к народу и глубочайшее понимание всей лживости царизма, чтобы в то время, когда Александр II был в апогее своей славы «царя-освободителя», поднять на него руку и идти на верную гибель... Каракозов был одним из этих редчайших героев. Его выстрел в Александра II 4 апреля 1866 года произвёл потрясающее впечатление во всех слоях русского народа, кое-кому раскрыл глаза на истинную природу ненавистного царизма и положил начало тому революционному движению, которое уже через 3 года прорвалось наружу в виде Нечаевского процесса, а ещё через 5 лет — в виде мощного крестового похода, получившего название «хождения в народ», — движения 70-х годов. Мне лично было тогда всего 10 лет, но выстрел Каракозова глубоко запал мне в душу и сердце.

ствия возможности употребить их в дело.. Разглядев положение, в которое меня поставил приговор верховного суда, невольно вспоминаю слова поэта:

Дар напрасный, дар случайный, —
Жизнь, зачем ты нам дана?

Через четыре года верхожанской жизни Худяков сошёл с ума; его перевезли в Иркутск в больницу, где он и умер в 1876 году¹.

Из моих товарищей Стопани постепенно спился с кругу.

Чтобы не отвыкнуть от регулярного труда и быть вполне работоспособным к тому, пока, увы! ещё весьма отдалённому моменту, когда окончится срок моей ссылки, — одним словом, чтобы не опуститься под разлагающим влиянием невольного бездействия, я ввёл для себя суровый режим: я работал умственно каждый день регулярно восемь часов — от 10 утра до 8 часов вечера, с двухчасовым перерывом. на обед; я не делал исключения и в те дни, когда страдал некоторым недомоганием вроде сильнейшей головной боли и т.п. Как раз в это время родные прислали мне весьма интересный роман на английском языке известной английской писательницы Вальтер Безант «Восход солнца», по странному недоразумению пропущенный в Россию цензурой, в котором в очень симпатичном свете обрисовывались революционная деятельность 1-го Интернационала во главе с Карлом Марксом и сам Карл Маркс. Переводом этого весьма объёмистого романа на русский язык я и занялся этак через год после прибытия в Средне-Колымск; работы этой хватило на всю бесконечную полярную зиму.

Но всё-таки оставались эти долгие зимние вечера, во время которых я сидел здесь один-одинёшенек, заброшенный в эту пустыню, за 14 тысяч вёрст от родины и за 5 тысяч вёрст от ближайшей почтовой конторы, находившейся в Якутске...

Никакой обязательной работы, никаких обязательных занятий; можешь ничего не делать целые дни, недели, годы; никому и ни на что ты не нужен, хотя ты полон жизни, энергии и желания работать, хотя у тебя есть знания, охота и умение! В этом

¹ М. Кротов, «Якутская ссылка», стр. 226.

весь ужас положения... И этот ужас можно парализовать и устранить только добровольно наложенным на себя режимом умственного труда, столь же регулярного, как, например, обязательная служба. И я завёл для себя строгий, беспощадный режим. Встаю аккуратно в 8 часов утра. Ещё совсем темно, полная ночь; в избе адски холодно; заготовленная с вечера вода в комнате замёрзла, умыться нечем; вставать не хочется, ведь в сущности не для чего, но — режим! Делать; нечего, — сбрасываю тёплое заячье одеяло, зуб на зуб не попадает, быстро одеваюсь, выхожу на улицу, чтобы открыть трубу камелька. Жестокий 40-градусный мороз. Быстро поднимаюсь по лесенке, приставленной к стенке моей невысокой избы, на плоскую крышу, снимаю затычку трубы. Затем затопляю камелёк, наполняю большой чайник и котелок снегом, который на очаге камелька скоро превращается в воду, кипячу её и завариваю кирпичный чай, умываюсь и, одетый с ног до головы во всё меховое, сажусь пить чай и переводить бесконечный английский роман Вальтер Безант. Убогий стол освещается лампадой, состоящей из блюдца с тюленьим жиром и светильника. В 10 часов занимается утренняя заря и начинает светать, так что я гашу лампаду и пишу при слабом утреннем свете, проникающем в комнату сквозь толстую льдину в окне. Свет настолько слаб, что приходится сильно напрягать зрение.

Постепенно дневной свет продолжает увеличиваться до 12 часов, заря разгорается сильнее, окрашивая в алый цвет восточную часть неба, но солнце так и не показывается, — оно покажется впервые, да и то лишь краешком, на несколько секунд только после Нового года, со 2-го января. С 12 часов заря начинает тускнеть и гаснуть, и к 2 часам наступает вновь полная ночь. Вновь зажигаю свою тусклую лампаду и продолжаю переводить и писать, отрываясь временами от работы, чтобы готовить на огне камелька свой скромный и скудный обед, состоящий большею частью из одного простейшего блюда, например, жареного мяса в кусочках или котлет, или варёной рыбы, или щей с мясом и т.п. Обед этот запивается неизменным кирпичным чаем, не всегда забеляемым молоком и, конечно, без сахару.

Во время обеда не перестаю переводить, продолжаю эту работу и после обеда.

Но вот окончен мой 8-часовой рабочий день; остаётся бесконечный зимний вечер. Кругом мёртвая, гнетущая тишина, изредка прерываемая выстрелами скованной лютым морозом земли, как бы протестующей против крепчающих железных объятий дедушки-мороза, или же дружным лаем всех собак города Колымска, вдруг почему-то поднимающих неистовый меланхолический вой, словно жалобу на горькую свою долю в этой ледяной. пустыне... В такие минуты и часы как-то особенно тяжело ощущается одиночество; хочется ласкового слова, хочется с кем-либо поговорить по душе, но кругом жуткое, полное одиночество, мёртвая тишина! Впрочем, как же это я забыл?! Ведь у моих ног мирно спит собака, — самый простой полудик (как все в этом крае) дворовый пёс, которого я себе завёл недавно для скромного собеседования с этим верным товарищем, покорным, чутким и «без лести преданным». Правда, я пока ещё не вполне свободно говорю на его собачьем языке, а он совсем не владеет человеческой речью, но это не беда. Его преданность и сверхсобачья чуткость заменяют всё: он понимает все мельчайшие движения моей души, он изучил её до тонкости... Лёжа у моих ног в сладкой дремоте, он вдруг поднимает кверху свою морду; он видит, что я сижу молча за своим столом, ничего не делаю, не хожу по комнате, не пою, а упорно и долго сижу на одном месте. Он вскакивает, кладёт свою морду ко мне на колени, ласково виляет хвостом и нежно. внимательно заглядывает мне в глаза. Он видит в них бесконечную грусть, он хочет её рассеять как-нибудь, утешить меня, успокоить; он лижет мне руки, вновь заглядывает в глаза, — та же грусть светится в них. Он подымается на задние лапы, кладёт передние мне на плечо, вновь заглядывает мне любовно в глаза, на этот раз умоляюще, и начинает мне лизать щеки. Ведь говорить, он не может, тоски моей он не понимает, но чувствует, что надо как-нибудь меня утешить...

Бедный, добрый пёс! Он не знает, что мысли мои в это время витают далеко отсюда, — я вдыхаю аромат майского вечера в

Одессе, сидя на Приморском бульваре. Вон бежит длинный, вьющийся поезд по окаймляющей его эстакаде, и я слышу продолжительный свисток локомотива... Свисток локомотива! Сколько лет не слыхал я его и услышу ли его когда-либо вновь? Подумать только, что ведь это галлюцинация, — никогда, никогда не могу я услышать его здесь, — 14 тысяч вёрст¹ отделяют меня от ближайшей железно-дорожной станции! А ведь как часто, сидя в комнате или гуляя по окрестностям Верхоянска или Средне-Колымска, я так явственно слышал паровозный свисток — этот символ культуры и цивилизации, и как ужасно было сознание, что это — галлюцинация, что кругом меня — дикая пустыня и что не мог и не может здесь раздаться паровозный свисток!.. И дальше уношусь я мечтами в чудный; живописный Киев. Чудный июльский вечер, берег Днепра, жаркие споры о задачах и целях революции...

А пёс вновь лижет мои руки, моё лицо, как бы приводит меня в чувство... И сколько таких тяжёлых, мучительно-грустных, безнадёжно-тоскливых, одиноких вечеров провёл я в своей колымской избе... И уже много лет спустя после возвращения моего из ссылки самым ужасным для меня сном было, когда мне снился Средне-Колымск или Верхоянск: это был настоящий кошмар, и, просыпаясь от этого ужасного сна, я, бывало, долго не мог прийти в себя, пока не осознавал радостно, что «то был сон!».

Одиночество в ссылке скрашивалось несколько для тех из ссыльных, которые были женаты; но такие представляли исключение, так как революционерам было не до любви: мы были совершенно поглощены своей борьбой за революцию и, несмотря на всю молодость, отличались в громадном большинстве чрезвычайным аскетизмом, подавляя в себе, во имя революционного долга, чувство любви в самом зародыше.

В этом отношении весьма характерен рассказ одного из самых выдающихся революционных деятелей той эпохи, ныне

¹ Великий Сибирский путь начал строиться в 90-х годах 14 тысяч вёрст было до ближайшей железно-дорожной станции Тюмени.

здравствующего М.Ф. Фроленко, в его чрезвычайно интересном описании побега Виктора Костюрина из Одесских жандармских казарм, устроенного изобретательным и смелым Фроленко в 1876 году. В этом побеге помогала ему некая Аня¹, молодая и красивая революционерка; решено было увезти Костюрина на рысаке, взятом на прокат в частном манеже.

«Был чудный весенний день, — рассказывает Фроленко, — ехали мимо дач, кругом сады, между деревьев в глубине видны дачи; вдали темно синело море. Лошадь мерно-лениво позвякивала подковами. Свет, тепло, воздух — всё располагало к неге, мечтам, изливаниям души. Задумались мы и замолкли на время. Аня, как более подвижной и живой человек, очнулась первая. Ей вдруг захотелось выяснить мое отношение к ней, услышать от меня то, в чём она и другие подозревали меня, подтрунивали даже за глаза. «Почему это ко мне относятся так враждебно в Одессе?» — начала она с вопроса. Принимаюсь было за разъяснение (такая враждебность, если и существовала, не имела никакой основы). Аня скоро перебивает меня и ставит уже прямо вопрос: «А как я?» Мне она нравилась; мне оставалось теперь только произнести громко слово... Но я, передёрнув вожжами, хватил заснувшую лошадь кнутом, и мы молча понеслись к морю. Роман кончился, не начавшись. Всё это произошло неожиданно, без всякого заранее обдуманного решения, непонятно для меня самого. Впоследствии не раз я пытался выяснить себе причину своего поведения и всегда затруднялся. Тут перепуталось вместе и то, что на брак я смотрел серьёзно, и то, что Аню считал женой товарища, и то, что я совсем был непривычен изъяснять свои чувства. Словом, роман не состоялся, и о нём больше не было и не будет речи»,

Я нарочно привёл эту цитату целиком, как весьма типичную для революционеров той эпохи, для которых на первом плане

¹ Анна Макаревич, недавно прибывшая из заграницы, где она придерживалась взглядов последователей великого революционера Бакунина, в противоположность партии мирной пропаганды, возглавляемой П.Л. Лавровым; первые были анархисты, вторые — государственники. Из-за этих разногласий Одесский кружок колебался принять Аню в свой состав.

был долг, преданность революции. Это чувство долга подавляло, поглощало все прочие чувства, в том числе и чувство любви, столь естественное и столь могучее в юном возрасте. Это чувство долга делало тогдашних революционеров похожими на отшельников, аскетов, каковыми они и были в громадном большинстве. Так просто, естественно, достойно революционера разрешался в то время половой вопрос, возбуждающий в настоящее время столько жгучих прений и составляющий настоящую злобу дня. Опыт доказал, что там, где на первом плане благо народа, там не до личной жизни и не до личного счастья...

Этот суровый аскетизм мог бы, конечно, ослабнуть в атмосфере ссылки, где никаких революционных дел уже не предстояло на долгое время и где поэтому всплывали вопросы личной жизни и личного счастья. Но дело в том, что в таких гиблых местах, как Колымск или Верхоянск, не было, так сказать, женщин в настоящем смысле слова. Якутки стояли на таком низком уровне развития и настолько в общем, уродливы, что едва ли могли прельстить и самого неприхотливого из нас. Немногим лучше были и местные русские женщины, сильно объякутившиеся. Кроме того, почти все они поголовно отличаются слишком первобытным, свободным взглядом на половые отношения¹... Тем не менее среди нас бывали исключения: так, будущий знаменитый писатель Серошевский сошёлся в Верхоянске с одной молодой якуткой.

Нужно сказать, что якуты находятся на низком уровне культуры, хотя ведут почти вполне оседлый образ жизни, занимаясь главным образом домашним скотоводством, так как земледелие в северных округах Якутской области немыслимо по климатических условиям. Поголовно неграмотны, невежественны и суеверны. В то же время они очень гостеприимны и подвижны и очень хитры; отличаются сильной склонностью и способностью к торговле, так что учёные путешественники прозвали их «евреями Якутской области».

¹ В 13 или 14 лет якутки большею частью уже лишены невинности.

Мучительно-медленно, с помощью английской писательницы Вальтер Безант и молчаливого, но преданного друга в виде колымской собаки, полярная зима пришла к концу; наступила весна, к концу которой вскрылась широкая матушка- Колыма. Радостно приветствовали это событие колымчане, ото- щавшие от ежегодной хронической голодовки: Колыма богата рыбой, и даже такой вкусной и крупной, как налим и нельма...

Но радость эта скоро омрачилась неожиданным бедствием. На второй день после вскрытия образовался затор исполинских льдин немного ниже города, и ледоход остановился, а между тем вода с верховьев реки Колымы быстро прибывала. Не будучи в состоянии пробить себе путь сквозь образовавшуюся гигантскую ледяную плотину, вода в Колыме стала быстро подниматься и выходить из берегов, затапливая улочки и дома убо- гого городка. На другой день после этой закупорки вода стала забираться в дома всё выше и выше, — уже добралась до окон. Приходилось спасаться на плоских крышах, любуясь с их вы- соты безбрежным морем, в которое вдруг превратилась Ко- лыма. Вода залила всё видимое пространство, куда только глаз мог видеть; зрелище было величественное и жуткое.

Но вода продолжала быстро прибывать и подбираться к кры- шам. Пришлось мне, как и всем жителям этой низменной части города, перебраться на лодках в более высокую часть, располо- женную за притоком Колымы, Анкудином, где все жители спа- сались уже также на крышах. Там же на крышах провели мы и всю «белую» ночь¹, почти не смыкая глаз; к счастью, стояла тёп- лая и тихая погода. А вода всё продолжала прибывать. Город представлял собой бушующее море, стремившееся бурными по- токами снести все предметы и всё живущее. Уже плыли стреми- тельно не только разный скарб обывательский, но и целые избы, снесённые могучей водой со своих мест... Мой домик тоже поплыл торжественно мимо меня, напоминая о бренности всего земного... Казаки перевозили обывателей с их скарбом в лодках и карбасах в более высокую часть города...

¹ За полярным кругом в конце мая ночей уже нет: светло, как днём; солнце не закатывается круглые сутки.

А вода всё прибывала... Не будучи в состоянии, несмотря на всю юную весеннюю мощь, пробиться сквозь гигантскую ледяную плотину, заградившую её вековое русло, Колыма в своей холодной и молчаливой ярости обрушилась на город и грозила смыть его с лица земли. Положение становилось крайне грозным, критическим: бурные потоки бушевали вокруг домов, на крышах которых жители спасались, а вода подымалась всё выше и выше; стремительно неслись по этим мутным и пенящимся потокам брёвна, громадные льдины, деревья, столы, стулья и т.п. Особенную опасность представляли несущиеся со слепой стремительностью громадные льдины: стоило ей только коснуться дома, и любой из них был бы срезан как взмахом косы, снесён с лица земли. Каждая такая льдина представляла как бы гигантский таран, приводившийся в движение разъярившейся водяной стихией...

А вода и к вечеру всё прибывала... Доколе же?! Какова же должна была быть толщина и высота этих льдин, выкованных жестокими морозами в течение длинной полярной зимы, если этот стремительный, бушующий океан воды не мог пробить себе путь сквозь эту ледяную плотину!.. Волга, сама матушка-Волга — детская игрушка в сравнении с столь малоизвестной какой-то рекой Колымой.... Да, обширна и богата северная Сибирь, богата при всей своей нищете, богата естественными ресурсами, которые царское правительство держало под спудом веками со времени самого покорения Сибири Ермаком Тимофеевичем...

Но стоит пустить туда предприимчивых, людей, провести железные дороги, — и эти мёртвые пустыни воскреснут, в них закипит жизнь, расцветёт культура. Начало уже как будто положено: несколько месяцев тому назад в бассейне той самой реки Алдан, которая составляет границу Верхоянского и Якутского округов и берёт начало в вершинах Верхоянского хребта, открылись золотые россыпи, к которым устремились десятки тысяч золотоискателей. А ведь якуты и другие туземцы десятки и

сотни лет твердили, всем чуть не каждый день, что их земля богата серебром и золотом, валяющимися чуть ли не на поверхности!..

Утром на третий день вода всё ещё продолжала прибывать. Положение становилось совсем критическим; помощи ждать было не откуда; город был затоплен и отрезан от всего мира... Водяная стихия всё прибывала и прибывала с верховьев реки Колымы, становясь с каждым часом всё могучее с яростнее. Наконец, к вечеру третьего дня ледяная плотина не устояла пред яростным напором верховой воды и была прорвана; торжествующая Колыма устремилась в своё старое, проторённое веками русло и величаво понесла свои широкие воды в Ледовитый океан. Вода в городе стала медленно спадать, у нас отлегло от сердца, но третью ночь мы всё ещё провели на крышах. Город был спасён от гибели, но много домов было унесено водой и прибито потом к более возвышенным местам...

4. Чукотский король

Оставшись совершенно одиноким после отъезда Чудновского и Рябкова, я стал искать сближения с коренными обывателями Средне-Колымска, среди его так называемой интеллигенции, состоявшей, кроме исправника с его помощником и вечно пьяного доктора, из учителя с женой и двух или трёх купцов. С «высшей администрацией» не могло, конечно, быть особого знакомства в виду её официального положения, но в частных домах, при дальнейшем знакомстве моем с обывателями, отношения более или менее терпимые у меня с ней установились, тем более, что исправник Кочаровский был моим старым знакомым по Верхоянску.

Доктор был замечательным типом спившегося с круга человека: утром, ещё лёжа в постели, он уже напивался вдребезги пьян, так что вставать с постели ему уже не было надобности, — цель жизни, заключающаяся в том, чтобы напиться пьяным, уже была достигнута с утра. Оставалось только поддерживать это

пьяное состояние, что. он выполнял блестяще и легко, тем более, что весь организм его был пропитан алкоголем на манер того из типов, выведенных в романах Золя, который сгорел как факел от зажжённой спички, оброненной на себя во время сна... Надо заметить, что, несмотря на всю дороговизну спирта (3 рубля бутылка), пьянство было очень распространено в Колымске. Это считалось любимейшим занятием всякого, кому только карман позволял раздобыть спирту, а кому не позволял, то его самой заветной мечтой, идеалом было всё-таки напиться пьяным, и пьянство не только не считалось зазорным, а очень почётным и почтенным делом: если, мол, пьян, значит — богат, значит — имеет на что напиться до пьяну. И как это ни дико, мне приходилось нередко наблюдать сценку, как мимо моей избы проходит какой-нибудь якут или даже из местных русских мещан, сильно пошатываясь, а как отойдёт подальше и думает, что никто уже его не видит, то выпрямляется как ни в чем не бывало и бодро продолжает свой путь. Это он притворялся пьяным, чтобы доказать всем наглядно, что он не хуже других и настолько зажиточен, что может напиться допьяна...

Оставались для дружеского общения и знакомства учитель с учительницей, и несколько купцов. Но для того, чтобы вести с ними знакомство, необходимо было обучиться двум предметам: игре в карты и искусству много, очень много пить; но сколько я ни старался обучиться обоим этим наукам или искусствам, но до колымчан мне было очень далеко. Страстью к картёжной игре было заражено всё решительно население — и казаки, и русские мещане, и якуты; играли они главным образом в трынку и в три листика...

Благодаря завязавшемуся знакомству с местными русскими купцами, мне спустя год удалось получить у одного из них место конторщика за 25 рублей в месяц, плюс обед, и я прямо ожил в материальном отношении. Обязанности мои у этого купца заключались в ведении его торговых книг, т.-е. чисто бухгалтерские, и я успешно справлялся с ними. Я должен был приходить к нему ежедневно часов, с 10 и работать до обеда, т.-е. часов до 4. Уже приятно было одно пребывание в его обширном доме,

уютно обставленном приличной мебелью, с деревянными полами, со стёклами в окнах, вместо льдин, с голландскими печами вместо камелька, — вообще с европейской обстановкой. Обеды были очень приличные, сытные и состояли из двух блюд и третьего сладкого. Одним словом, — не житьё, а масленица...

Однажды купец этот во время разговора за обедом предложил мне, не желаю ли я познакомиться с чукотским королём. На мой вопрос: «Это что же за король такой?», купец объяснил мне, что чукчи выбирают из своей среды главу своего племени с громадной властью и притом пожизненно, который и называется королём. Этот король имеет внутри своего племени неограниченное право суда и расправы и является во внешних сношениях, в частности с русской администрацией, представителем своего племени. Раз в год чукчи обменивались «подарками» с царём: они привозили в крепостцу Анюй, расположенную у устья р. Колымы, «подарки» для русского царя, состоящие из разных видов пушнины (шкурки бобровые, собольи, лисьи, песцовые и т.п.) тысяч этак на 10, а взамен получали там же «подарки» от русского царя в виде ситца, муки, свинца, пороху, табаку и т.п. на значительно меньшую сумму.

В такой скрытой, форме царское правительство стремилось обложить чукчей такими же налогами, как якутов, тунгузов и прочих инородцев Якутской области, потому, что прямо обложить чукчей и объявить их такими же «подданными» русского государства, как и других инородцев, правительство не решалось. Дело в том, что в 16-м веке коренное русское население, обитавшее в северной полосе Европейской России, обнаружило необычайное колонизаторское стремление на восток и север. С невероятною лёгкостью и в самое короткое время, эти колонизаторы под предводительством «вольного казака» Ермака завоевали Западную Сибирь вплоть до Енисея, но на этом не остановились, В самое короткое время, в течение всего нескольких десятков лет, кучка казаков и русских колонистов, благодаря пушкам и огнестрельному оружию, покорила весь восток Сибири, вплоть до Тихого океана, и весь северо-восток вплоть до Ледовитого океана; им ничего не стоило покорить таких смиренных

«инородцев», как якуты, которые, будучи вооружены одними луками да стрелами, сдавались почти без боя при первом выстреле пушки. Но не то было с чукчами, в то время довольно многочисленными и чрезвычайно храбрыми. Они населяли северо-восточную часть Якутской области, кочуя по ней вплоть до Берингова пролива на восток и до Ледовитого океана на север. Кучке завоевателей они оказали самое упорное сопротивление во многих сражениях и стычках, терпя и нанося поражения. Наконец, в половине 17-го столетия произошло между ними решительное, генеральное сражение, весьма кровопролитное, окончившееся в ничью: ни та, ни другая сторона не одержала верх, и был заключён мир. С тех пор царское правительство признало относительную независимость чукчей, сносясь с ними в лице чукотского «короля» через колымского исправника, как с почти независимым государством, и обмениваясь с ними «подарками», как наглядным показателем этой полунезависимости.

Я охотно принял приглашение купца, и в один ясный февральский день, при морозе градусов этак в 30, мы на собаках отправились с визитом к чукотскому королю, вёрст за 25 от Средне-Колымска. Я впервые ехал на собаках. Их впрягли 13 штук в очень узкие и длинные сани, называемые «нартами», цугом попарно, 6 пар, а 13-я, самая умная и бойкая, была впряжена впереди, и ей слепо повиновались остальные собаки.

Управление ездовыми собаками представляет для возницы большие трудности, хлопоты и прямо мучения: собаки эти — полудикие, нервные и мало послушные; понимают они только якутский язык (здесь все объякутились, даже собаки), на котором возница и командует ими. Команда весьма, несложная: «право!» «лево!» и «стоп!» Но если собаки увидят в стороне какой-либо движущийся предмет, хотя бы неодушевлённый, например, поднятый ветром клочок бумаги, уж не говори о предмете одушевлённом, например, пробегающем зайце, то никакая сила в мире не может их удержать. Моментально они сворачивают с дороги и вихрем несутся вдогонку за этим предме-

том через снежные сугробы, перескакивая чрез все препятствия, если таковые попадаются по дороге. Для того, чтобы остановить нарту во время езды, у возницы в руках имеется длинный шест с острым железным наконечником, который он вставляет между полозьями, образуя таким образом сильный тормоз, но и этим способом очень трудно остановить бешеную скачку взбеленившихся собак...

В общем часа через два быстрой езды мы благополучно достигли цели нашего путешествия, хотя раза два собаки всё-таки опрокинули нарту и на всем ходу выбросили нас в снег. Приехали мы в лагерь или становище чукчей ещё засветло и застали очень оригинальное зрелище: мужчин не было видно, — они были в лесу, верстах в двух, вместе с своими оленями; были одни женщины, занятые под открытым небом, на морозе, домашними работами.

Палатки, в которых живут чукчи и которые состоят из оленьих шкур, с утра снимаются и в течение всего дня проветриваются и затем тщательно выколачиваются от накопившегося на шкурах в течение ночи инея, сора и т.п., так что весь день чукчи остаются без крова и проводят под открытым небом. Работой этой занимаются женщины; они же готовят пищу, режут оленьей, свежуют их, варят мясо и т.п. Вот за этими занятиями мы и настали их. Несмотря на 30-градусный мороз, они были обнажены, до пояса. Когда я высказал своему купцу удивление по поводу такой чукотской выносливости, он объяснил мне, что :тут нет ничего удивительного, если принять во внимание, что чукчи так воспитываются с детства, даже с самого момента рождения: новорождённого младенца не купают в тёплой воде, как у нас, а прямо бросают в снег; если он не выживет — туда ему и дорога; значит, он не подходит к кочующему образу жизни своего племени, а выживают только самые крепкие от рождения, которым впоследствии мороз ни по чём...

Хотя нам очень хотелось обогреться с дороги, но делать было нечего: приходилось терпеливо ждать наступления сумерек, когда палатки будут поставлены на места и можно, будет войти в

них. Ждать пришлось часа полтора, в течение которых я наблюдал усердные домашние работы этих полуголых женщин, спокойно и невозмутимо трудившихся под открытым небом на 30-градусном морозе.

Наконец, когда стемнело, вернулись мужчины, и были поставлены конусообразные палатки из толстых выделанных мягких оленьих шкур. Настоящих дверей не было, а вместо них вход закрывался также оленьей шкурой, спускавшейся вплотную до самой земли так, что в палатку надо было не входить, а вползать на корточках, приподняв несколько шкуру. Это делалось по той простой причине, чтобы не впускать в палатку лишнего холода.

Нас пригласили в самую большую палатку. Когда мы вползли, то увидели следующую картину: палатка была устлана толстым слоем мягких оленьих шкур, на которых сидело уже по-турецки, т.-е. поджав под себя ноги, человек 10 вдоль самых стен палатки. В числе их был и сам король, крепкий чукча лет под сорок, смуглый, кривой на один глаз. Палатка была небольшого размера — около двух квадратных сажен; освещалась большой лампадой, состоявшей из миски, наполненной тюленьим жиром, и толстой светильни; лампада эта освещала довольно сносно и в то же время согревала воздух. В палатке было очень холодно, так что никто не раздевался, и сидели, как приехали, в верхней тёплой одежде. Я с моим купцом сел против короля.

Скоро палатка наполнилась гостями до отказа. Тут были и чукчи, и якуты, и ламуты, и тунгузы, и юкагиры; женщин не было ни одной, — они продолжали хлопотать на улице со стряпней. Воздух в палатке стал согреваться, и постепенно все стали разоблачаться: сперва сняли верхние одежды и подложили под себя, потом таким же образом сняли меховые куртки, потом жилеты. Мы с купцом дальше не пошли, хотя этак часа через два в палатке стало невыносимо жарко, и пот лился с нас градом. Король, не стесняясь, сиял с себя всё, кроме нижних портков; его хорошему примеру последовали и все остальные гости, кроме меня и купца, — мы почему-то стеснялись, хотя очень страдали от жары и духоты. Но ещё раньше, как только уселись все гости

кругом вдоль мягких меховых стен палатки, началось угощение. Женщины-чукчанки, по-прежнему полуобнажённые, стали вносить всевозможные яства, ставя их прямо на меховой пол в центре палатки на больших деревянных блюдах, или же в больших деревянных мисках, смотря по характеру кушанья, которых было очень много. Ели очень много, запивая спиртом, который, конечно, мой купец привёз с собой, как самый лучший и ценный подарок, какой только в этой замечательной стране мог преподнести гость самому Чукотскому королю, с большим достоинством восседавшему на корточках.

Первое блюдо представляло одну из самых любимых местных закусок, именно, расколотые голеньи кости оленя, из которых уже сами гости выбирают и едят мозги, мёрзлые и сырые. Пока они мёрзлые, они очень вкусны и приятно глотаются, представляя собою по виду нечто вроде длинных красных палочек, но стоит им немного оттаять, как они превращаются в такую противную склизь, от которой прямо тошнит...

Купец был ещё раньше знаком с королём, поэтому разговор начался с того, что купец объяснил королю, кто я такой и как и почему попал в Колымский край. Втолковать это королю и гостям было чрезвычайно трудно, так как эти первобытные люди ничего не понимали и абсолютно ничего не знали, что выходило за пределы оленьих стад и Колымского края. Это были буквально дети ледяной пустыни с кругозором новорождённого младенца. Они поняли только, что я в чём-то пошёл наперекор воле самого всемогущего «белого царя», живущего где-то «в Москве», за тридевять земель, в тридесятом царстве, и с ужасом и изумлением поглядывали на меня, дивясь моей храбрости. Потом попросили меня рассказать что-нибудь о «Москве». Я начал с объяснения количества вёрст, отделяющих Колымск от Москвы. Так как я говорил и понимал только по-русски, а король — только по-чукотски, то мои слова достигали до понимания короля через посредство целого ряда переводчиков из числа пирующих гостей: купец переводил мои слова по-якутски, якут — по-тунгузски, тунгуз — по-ламутски, ламут — по-юкагирски, а юкагир — по-чукотски самому королю, король же

передавал свои слова по-чукотски юкагиру, юкагир — ламуту и т.д.

Таким образом, беседа выходила очень громоздкой и подвигалась вперёд очень медленно, что давало мне возможность не отставать от других — в еде, но не в выпивке, — в этом последнем отношении я далеко отставал от своих собеседников. Но втолковать королю и его чукчам, какое расстояние отделяло их от Москвы, оказалось чрезвычайно трудным, так как они умели считать только до трёх, а что больше трёх, то обозначалось словом «много». Побившись с полчаса, я кое-как втолковал им, что это так далеко, что если поехать на хороших оленях, то, чтобы добраться до Москвы, надо ехать целый год... Подали второе лакомое блюдо «строганину», т.-е. мёрзлую сырую рыбу, нарезанную тонкими небольшими ломтиками. И это блюдо очень хорошо, пока рыба мёрзлая, но как только оттаёт, тоже превращается в рвотное, — по крайней мере, на вкус европейца. Следующим вопросом короля был: как живёт «белый царь» и как он выглядит? Об этом не только чукчи, тунгузы, ламуты и юкагиры, но и якуты, несколько более цивилизованные, не имели ни малейшего представления, и даже мой купец недалеко от них ушёл. Слушали с необычайным любопытством, разинув рты, точно волшебную сказку из тысячи и одной ночи...

Следующим блюдом было варёное оленьё мясо, ещё дымящееся, нарезанное длинными громадными кусками и поданное на громадном деревянном блюде, без ножей и вилок, и, конечно, без соли. Нож довольно большой и острый был у каждого из гостей за поясом или за голенищем. Каждый из них (кроме меня и купца) брал руками кусок мяса, одной рукой клал его в рот между зубами, а другой рукой с необычайной быстротой и ловкостью отрезывал ножом у самой губы ломтик мяса, проглатывал его, затем отрезывал другой, третий и т.д. В мгновение ока весь кусок мяса оказывался уже таким образом нарезанным и съеденным.

Затем король через тех же пятерых последовательных переводчиков спросил меня, какая собственно ссора и из-за чего вышла у меня с «белым царём», и за что, собственно великий царь

рассердился на меня? Я постарался объяснить ему, что у меня с царём возник спор не на личной почве, а потому, что я доказывал, что народу плохо живётся, а работать приходится ему много, что слишком много налогов и что исправники очень обижают народ. Потом король спросил: сколько времени я ехал из Москвы до Средне-Колымска и хорошие ли мне попались олени? Этот вопрос поставил меня в немалое затруднение, так как надо было рассказать ему про железные дороги и пароходы, а также про климат России и про то, что не везде водятся олени: рассказать и описать всё это так популярно и наглядно, чтобы поняли эти первобытные дети пустыни — было задачей нелёгкой. В это время поднявшаяся вдруг сильная вонь возвестила, что подана протухлая, вонючая рыба, ещё дымившаяся на большом деревянном блюде. Это была крупная красная рыба, — кажется, максун или чир, — в варёном виде, без соли или какой-либо приправы и, конечно, без вилок или ложек (ели руками).

Затем король спросил меня, велика ли Москва и сколько народу там живёт? Пока я объяснял ему, как мог, разницу между Колымском и Москвой, подали новое блюдо: жареное на сковороде оленьё мясо, изрезанное на маленькие кусочки, очень жирное и довольно вкусное. И оно скоро исчезло в ненасытных утробах гостей... А любознательный король попросил меня рассказать ему, много ли в Москве «огненной воды» (так чукчи называют водку) и почём царь продаёт её. Этот вопрос заинтересовал в высшей степени всех присутствующих; подробный ответ мой вызывал неоднократно слова восторженного удивления и восхищения на всех пяти языках. Ничто так не убедило их во всемогуществе белого царя, как такое сказочное обилие у него огненной воды.

В это время чукчанки внесли новое блюдо, состоявшее из варёных печёнок — блюдо, действительно, очень вкусное, если рыба не протухла. Потом была подана копчёная рыба («юкала») — очень вкусная вещь. Желая перейти «от обороны к нападению», я попросил купца спросить у короля: правда ли, что у чукчей принято убивать своих стариков? С необычайною важно-

стью и серьёзностью чукотский король разъяснил мне подробности этого священного обычая. Когда чукча становится настолько дряхл, что ему уже трудно кочевать с оленьим стадом и он начинает быть в тягость окружающим, то он призывает к себе старшего сына и велит ему исполнить священный обычай предков и отправить его к праотцам. Для этого отец, после изрядного прощального пиршества, становится внутри палатки с обнажённой грудью, а сын снаружи пронзает его копьём в самое сердце...

В суровой обстановке кочевой жизни среди ледяной пустыни, требующей непрерывной борьбы за существование как зимою, так и летом, в этой стране, где теория Дарвина о борьбе за существование и о происхождении видов находит себе блестящее подтверждение, где жизнь человека начинается с того, что новорождённого бросают прямо в снег, — там весьма естественным и зверино-логичным является и обычай умерщвления стариков рукою любимейшего сына, тем более, что чукчи, как и все дикие племена, верят слепо в загробную жизнь и поэтому считают, что дряхлому старику будет лучше жить на том свете, а оставшемуся семейству его будет без него легче на земле...

Затем я попытокствовал узнать от короля, почему чукчи так безумно любят «огненную воду», и обратил его внимание на приносимый ею громадный вред не только в имущественном отношении, но и в нравственном: ведь сколько кровавых драк и даже убийств совершают они в состоянии опьянения! На это король с такою же невозмутимою серьёзностью объяснил мне, что огненная вода обладает волшебной силой, веселит человека, делает его жизнерадостным и т.д.

В подобных беседах, сопровождаемых непрерывным обжорством, просидели мы часов до 12 ночи, когда, наконец, я и купец распрощались с гостеприимным кривым королём и помчались обратно в Колымск на собаках, тоже изрядно угостившихся и летевших поэтому во весь опор. По дороге я продолжал расспрашивать купца о чукотских нравах и обычаях. Между прочим он спросил меня: «А знаете ли вы, чем чукчанки моют посуду?»

«Тёплой водой, вероятно», — ответил я. «Тёплой-то тёплой, — возразил он, — «только не водой, а... собственной мочой»... «Полноте шутить!» «Я не шучу, — это факт! И ту посуду, из которой мы сейчас угощались у их короля, они тоже перемывали мочой, которая у них считается самым гигиеническим средством в этом отношении! Оно и очень удобно, в том смысле, что при здешнем суровом климате, и принимая во внимание, что они живут не в домах с печами, а во временных палатках, превратить снег в воду, а потом эту воду согреть — требует порядочно времени и хлопот, а тут готовая тёплая жидкость. Их олени, как вы, вероятно уже обратили: внимание, очень любят человеческую мочу: стоит только вам остановиться, чтобы помочиться, как, заведя это, олень моментально устремляется к вам и тут же жадно глотает её прямо, так сказать, из-под крана, задевая вас своими громадными, ветвистыми рогами...»

К счастью, мне после этого ни разу уже не пришлось угощаться ни у чукотского короля, ни вообще у чукчей, а то не знаю, решился ли бы я вторично есть из их посуды, узнав про такой оригинальный национальный обычай...

Между прочим, я спросил купца, кто это едет сзади нас на нартах, запряжённых парой оленей. «А это я везу на них подарки, которые сделал мне король: оба эти оленя, а на нартах ещё два только что зарезанных оленя, да пара сиводушек (высший сорт лисицы), да пара голубых песцов, да ещё хороший камчатский бобёр на воротник. Ведь я королю оставил целую флягу огненной воды...» Одним словом, купец соединил «приятное с полезным»...

Впрочем, это было весеннее «бытовое явление» Колымского края, так как к весне местное русское население, истощив за долгую зиму запасы рыбы, начинало форменно голодать. В это же время чукчи прикочёвывали к городу для закупки необходимых им товаров — главным образом пороха, свинца и «огненной воды». Богатство чукчей заключается в стадах оленей, которые доставляют им всё, что требует их первобытный образ жизни, т.-е. пищу и одежду, — в этом отношении чукчи ни в чём

не нуждаются. С другой стороны, они отличаются широким гостеприимством и щедростью, так что охотно и с избытком ода-ряют русских, приезжающих к ним «гостить»¹ и привозящих им «огненную воду». Щедрость чукчей спасала ежегодно русских от голодной смерти...

Часа в три ночи добрались мы благополучно до города и при въезде были встречены дружным, протяжным воем нескольких сот собак, приветствовавших таким манером счастливое возвращение своих сытых товарищей...

5. Возвращение

Ссылка, особенно в таких гиблых местах, как Колымск или Верхоянск, по влиянию на свои жертвы напоминает во многих отношениях тюрьму. Так же, как в тюрьме, дни ползут медленно и тоскливо, и каждый день кажется бесконечным; но вследствие отсутствия каких-либо впечатлений прошедшее время не оставляет никаких следов, и когда оглядываешься назад, кажется, что прошли не годы, а только месяцы. Наконец, наступил июнь месяц 1886 года, когда кончался срок моей ссылки. 8 лет прошло со дня моего рокового ареста, — 8 долгих, ужасных лет, почти три тысячи мучительных, бесконечных, кошмарных дней и ночей. И когда кончился срок моей ссылки, и я оглянулся назад, — как быстро, казалось, прошли эти годы! Прямо не верилось, что уже прошло целых 8 лет... А между тем сколько выстрадано!..

Итак, надо собираться в дорогу! Ещё зимою я решил, что как ни страстно хочется поскорее вырваться из этой мёртвой пустыни и попасть на родину, как ни рвётся безумно сердце на волю, но я ни за что не поеду летом, потому что езда летом в этих местах сопряжена с ужаснейшими мучениями, благодаря тучам комаров и мошек и непроходимым болотам.

Правда, и зимнее путешествие очень мучительно вследствие ужасных морозов, достигающих 50-ти и более градусов. Кроме

¹ Это так и называется в Колымском крае «гостить», т.-е. ездить к чукчам выпрашивать и выманивать подарки взамен привозимой разной ерунды и «огненной воды».

того, расстояние от одной станции до другой не менее 150 верст, а то бывает и до 400 вёрст, а так как, по местным условиям езды, в день можно проехать не более 50 вёрст, то приходится ночевать или под открытым небом на лютom морозе, или же в так называемых «поварнях», т.-е. нежилых избушках с камельком, расположенных на опушке леса, в которых можно уютиться на ночь и немного обогреться.

Трудность и даже опасность зимнего путешествия в Верхоянск и Колымск вызвали спустя всего 3 года после моего отъезда на родину, а именно 22 марта 1889 года, небывалую в истории нашего революционного движения трагедию, разыгравшуюся в Якутске в виде вооружённого сопротивления, оказанного большой группой политических ссыльных в количестве 33 человек в знак протеста против отправки двадцати товарищей в Средне-Колымск. Чаша терпения этих героических товарищей была переполнена вследствие того, что якутская администрация в лице и.д. губернатора Осташкина, отправляя ссыльных в Средне-Колымск, всячески старалась сделать это невольное и мучительное путешествие ещё более мучительным. Так, например, она ограничила количество багажа, чтобы ссыльные не могли запастись достаточным количеством провизии, а это грозило голодной смертью в пути; уменьшила размер кормовых и путевых денег, вследствие чего ссыльные не могли запастись достаточной тёплой одеждой, а это грозило смертью от холода; решила отправлять их не маленькими партиями в два человека в большие промежутки времени, через 2 недели каждую, как это практиковалось раньше, а по 4 человека через каждую неделю. Между тем количество лошадей или оленей на станциях было такое ничтожное, что они всё равно не могли перевозить такую порцию ссыльных в столь частые промежутки, и ссыльным в ожидании лошадей приходилось бы зря голодать и мёрзнуть на станциях. Необходимо ещё заметить, что в числе ссыльных были женщины и дети.

Ссыльные подали Осташкину коллективный протест против подобного варварского издевательства. Осташкин решил воспользоваться этим случаем, чтобы, в согласии с полученными

из центра инструкциями, держать политических в ежовых рукавицах, хорошенько «проучить» их. По предложению полицеймейстера 22 марта 1889 года ссыльные собрались в квартире, своего товарища Ноткина в количестве 33 человек, чтобы выслушать обещанную резолюцию Осташкина. Последний отрядил туда 30 вооружённых берданками солдат под командою поручика Карамзина, который без дальнейших церемоний потребовал, чтобы ссыльные отправились немедленно под конвоем этих солдат в полицейское управление для выслушания резолюции Осташкина, когда же ссыльные отказались, началось варварское избиение прикладами и штыками. Один из ссыльных, Зотов, выхватив из кармана револьвер, выстрелил в Карамзина и ранил его легко в ногу. Солдаты дали несколько залпов в ссыльных из передней и со двора. В результате из ссыльных убито на месте 7 человек¹ и тяжело ранено 8²; остальные были окружены и уведены в тюрьму. Их судили в Якутске какой-то «военно-судной комиссией», без защиты, без судебного разбирательства, без свидетелей и даже без публики. Это был не суд, а какая-то пародия даже на царский суд. В результате трое были приговорены к повешению и повешены³, а 23 человека присуждены в каторгу на разные сроки от 15 до 4 лет.

Так вот, несмотря на всю тяжесть зимнего пути, я всё-таки пугался перспективы летнего путешествия по непроходимым болотам бесконечных тундр, под обстрелом кровожадной рати комаров, и намеревался отложить возвращение на родину до зимы, т.-е. до сентября. Но когда приблизился давно-жданный день освобождения, я не был в состоянии отложить поездку ни на один день и решил ехать немедленно.

Быстро собрался в дальний путь: заготовил несколько пудов чёрного хлеба и ржаных сухарей, купил кирпичного чаю, фунта

¹ Пик, Муханов, Шур, Ноткин, Подбельский Паппий, Павлович, Гуревич Софья.

² Коган-Бернштейн Л.М., Минор О.С., Гоц Михаил Рафаилович, Зотов, Фундаминский, Зороастрова, Капгер и Эстрович Осип. Большинство тяжёлых ран были штыковые.

³ Коган-Бернштейн, Гаусман и Зотов. Коган-Бернштейн ещё не оправился от своей тяжёлой раны и не вставал с кровати; его так и принесли на кровати под виселицу, надели на него петлю, а затем вытащили кровать из-под него. Подробности всей этой беспримерной кошмарной трагедии см. в недавно вышедшем, по случаю исполнившегося 35-летия со дня этого события, сборнике воспоминаний ныне живых участников, под заголовком «Якутская трагедия», изд. Общества Политкаторжан.

четыре махорки, захватил свой скудный запас белья и одежды и несколько книг. Наконец, наступил день отъезда. Как раз отправлялась почта в Якутск, и я воспользовался этой okazji и ехал при почте, отправлявшейся на двух лошадях в сопровождении ямщика и казака. Я ехал верхом на 3-й лошади; почта и мой багаж были навьючены на лошадей в перемётных сумках.

С утра я был, конечно, в самом радостном настроении. Провожать меня вышел почти весь город. Когда я простился сердечно со всеми, и лошади медленно тронулись в путь, а провожавшие громко посылали мне вслед нескончаемые пожелания счастливого пути, меня вдруг охватила какая-то невыразимая грусть, сердце мучительно-больно сжалось от какой-то щемящей тоски, и, к величайшему своему удивлению, я вдруг залился горючими слезами; неудержимые рыдания сотрясали всё моё тело...

Откуда эти слезы? Зачем они? Никогда не забуду этой минуты и этих слез! О чём так безумно рыдало моё сердце? О загубленной молодости, о лучших годах жизни, безвозвратно похороненных в этих ледяных пустынях? Ведь, так рыдают только о покойниках. Вероятно... Но душившие меня слезы вызывались, я думаю, и видом этих простых людей, которые так сердечно меня провожают, которые здесь остаются, которым суждено вечно здесь жить и с которыми я никогда, никогда больше не увижусь и увидеться не могу, точно они живут совсем на другой планете... Оба эти чувства, пронзившие мгновенно мой ум и сердце, потрясли всё моё существо с такой силой, точно все многолетние муки и страдания, переносившиеся мною столь терпеливо, а иногда и радостно, вдруг сосредоточились в одном фокусе и, подобно молнии, озарили предо мною всю бездну перенесённых страданий, весь ужас этих гиблых мест, ныне навсегда мною покидаемых, но в которых другие остаются...

Моя лошадь поплелась мелкой и тряской рысцей вслед за якутом-ямщиком и казаком, сопровождавшим почту. Седло было высокое, деревянное, очень жёсткое и неудобное; лошадь трясла неимоверно. Я стал её сдерживать, чтобы замедлить шаг и уменьшить мучительную тряску, но при замедлении шага

тряска почему-то становилась ещё невыносимее. Это повторялось постоянно и неизменно во всё время моего трёхмесячного пути до Якутска, а тряска эта была до такой степени мучительна, что однажды, доведённый до бешенства и отчаяния, я совершенно искренно воскликнул: «Честное слово, это она нарочно!»... Тучи комаров всё время пищали зловеще над нами, забираясь под волосяную сетку, защищавшую моё лицо. На руках у меня были плотные замшевые перчатки, но комары умудрялись пробираться повыше перчаток и даже прокусывать их в тех местах, где был шов, забирались на шею, на грудь, всюду; жалели они немилосердно и мучительно; особенно страдали бедные лошади. Трудно описать все мучения, которые причиняют эти тучи комаров, отравляющие жизнь и людям, и животным в течение здешнего короткого лета и заставляющие пламенно желать скорейшего наступления лютой полярной зимы.

Но вот мы проехали несколько вёрст от Средне-Колымска, и пред нашими взорами открылась, бесконечная плоская тундра, покрытая местами кочками и представлявшая непроходимое топкое болото, простиравшееся куда только глаз мог хватить. Эти болотистые тундры тянутся на сотни вёрст и называются по-якутски «байдаран» (болото); нет, конечно, никакой дороги или тропинки.

Ямщик-якут, бывший вместе с тем нашим проводником и путеводителем в этих бездорожных пустынях, первый въехал в это болото, в которое лошадь его сразу погрузилась по самое брюхо. Следом за ним поехал казак, я сзади их. Лошади поминутно спотыкались, так как дно этих болот было неровное. В сущности это было даже не болото, а нетвёрдый какой-то грунт, состоявший из кочек, поросших грязно-зелёной травой и заполненный ледяной водой. Эта вода образуется от таяния, под влиянием летних солнечных лучей, ледяных глыб, составляющих подпочву тонкой земляной поверхности. Зимой всё это скованно морозом, а летом начинает постепенно оттаивать, с каждым днём всё больше и неравномерно... Приходилось поднимать стремяна как можно выше, чтобы не замочить ног в ледяной воде, и держать всё время ноги высоко в стремянах, что было

очень неудобно и мучительно. Временами лошади погружались в болото по самую шею, и тогда сапоги наполнялись ледяной водой, от которой дрожь пробирала всё тело. Но приходилось терпеть, пока не выберемся на сухой грунт...

А комары настойчиво продолжали своё дело, носясь над нами пискливой кровожадной тучей. Несколько раз лошадь моя, выбиваясь из сил, падала, и тогда я спешил заблаговременно соскочить в болото, чтобы не попасть под неё и не быть раздавленным. Можете себе представить при этом моё положение, когда я барахтался по шею в ледяной воде! На мои крики о помощи подъезжал якут или казак и помогали мне вновь сесть на лошадь и продолжать мучительный путь по бесконечной тундре. Поминутно, чтобы вновь не упасть с лошади, приходилось цепляться за её гриву...

Наконец, после трёх или четырёх-часового мучительного путешествия шагом по этому ужасному байдарану на горизонте показался лесочек — признак твёрдого грунта. Терпение! — Ещё какой-нибудь часок, и мы доплывём или доползём (не знаю, как назвать это передвижение!) до этого лесного оазиса и достигнем твёрдого грунта, настоящей, «человеческой», так сказать, земли.

Добрались, наконец, до твёрдой земли. Вздохнули легче, хотя комары по-прежнему неслись пронзительной тучей над нами. Чтобы немного отбиться от них, я пустил лошадь галопом и, — о блаженство! — в галоп лошадь не трясла. Версты полторы проскакал я бешеным галопом, но, — о ужас! — опять предомною расстилался такой же безбрежный байдаран, опять поплелись мы шагом по нему, ныряя, карабкаясь и падая. Часа через три опять лесной оазис, опять несколько отрадных минут в галоп по твёрдому грунту, по настоящей земле и... опять бесконечный байдаран... Каждый раз, когда я после такого байдарана чувствовал под ногами лошади твёрдую землю, мною овладевало такое же радостное ощущение, какое наполняет моряка, ступившего на сушу после кругосветного плавания...

Солнце в этих местах летом не закатывается вовсе, — оно сияет над горизонтом круглые сутки: в 12 часов ночи оно стоит

так высоко, как, примерно, у нас часов в 8 вечера. Но птицы по старой привычке, усвоенной в наших краях, откуда они прилетели, спят спокойно, точно солнце уже скрылось за горизонтом. В этот день, после 12-часовой непрерывной борьбы с байдаранами и комарами, мы, наконец, остановились на ночлег, избрав для этого один из таких оазисов с твёрдым грунтом. Прежде всего, набрав сырых сучьев и валежника, мы развели огромный дымокур, представляющий единственное спасение от комаров. Когда густой дым окутал нас и наших бедных, измученных лошадей и прогнал всех комаров подальше от нас, я снял, наконец, с головы волосяную сетку, под которой задыхался весь день, но которая не могла меня вполне уберечь от комаров. Лицо моё было изрядно искусано, но не будь сетки, оно представляло бы собою, конечно, один сплошной волдырь. Я получил также возможность снять перчатки и пальто и немного остыть от дневной жары. Ямщик и казак развели рядом с дымокуром другой костёр, набрали мутной водицы в протекавшем поблизости ручейке и занялись приготовлением чая в большом медном чайнике...

В ожидании я разлёгся на траве, и моё блаженство было бы полным, несмотря на едкий дым, спиравший дыхание и выжимавший слезы из глаз, если бы за пределами нашего дымокура не продолжалось адское, пискливое жужжание тучи комаров, кровожадно стороживших тот момент, когда дымокур погаснет или хотя бы густота и едкость его немного уменьшатся, чтобы вновь ринуться на нас... Напившись чаю и подбросивши в наш костёр массу сырых сучьев и навозу и прикрывши всё это землёю, чтобы огонь медленно тлел и давал побольше едкого дыму для защиты от комаров, мы, наконец, улеглись на ночлег вокруг дымокура под открытым небом. Лицо и руки мои были сильно искусаны комарами и прямо, так сказать, горели. Я долго не мог уснуть, так как раздававшееся за линией дымокура неистовое жужжание комаров наводило на меня какой-то нервный трепет, соединённый с отвращением. С 12 часов этой полярной ночи солнце уже стало быстро подниматься вверх и ещё больше припекать... А поутру, после чаю и лёгкой закуски, опять оседлали и

навьючили лошадей, и вновь началось наше мучительное путешествие; опять мы целый долгий день проваливались по топким байдаранам, нередко принимая невольные ледяные ванны...

На пятый день к вечеру мы, наконец, добрались до человеческого жилья. Это была якутская юрта, представлявшая в то же время почтовую станцию, где мы должны были переменить лошадей и где мы могли отдохнуть получше, чем под открытым небом. Юрта состояла из одной комнаты с грязным земляным полом и наклонными деревянными стенами, вокруг которых были прикреплены узкие скамейки вроде нар. Днём на этих нарах сидели, а ночью спали. В передней половине комнаты весело горел камелёк, а сзади камелька раздавались мычание и блеяние, — там было помещение для рогатого скота, там расположились на ночлег две коровы и телёнок. Воздух в юрте вполне, конечно, соответствовал всей обстановке... Многочисленное население юрты, состоявшее чуть ли не из четырёх поколений, встретило нас чрезвычайно гостеприимно, даже радостно. Гостеприимство составляет отличительную черту туземцев, готовых поделиться с вами последним, — гостеприимство и... не меньшее любопытство. Жизнь в этих ужасных, не приветливых пустынях, где человек может погибнуть от холода, голода и прочих напастей, которые угрожают каждому путнику, постепенно воспитала в этих людях инстинкт самого широкого гостеприимства, столь необходимого в борьбе за существование. Нас окружили глубокие старики и старухи, дети всех возрастов, мужчины, женщины, молодые, средние, старые, древние, радушно приглашая войти или, вернее, вползти в юрту, так как дверь очень маленькая и низенькая, и если не наклониться как следует, то за такую «гордость» можно получить основательные шишки на лбу и затылке.

Вскоре на камельке весело закипел большущий медный чайник; молодая хозяйка-якутка засуетилась; ещё не вскипел чайник, как мне были поданы в деревянной миске великолепные сливки, взбитые деревянной мутовкой, — нечто вроде крема. Ещё раньше я выложил из своей перемётной сумы ржаной хлеб

и ржаные сухари, представляющие в этих не-земледельческих краях большую редкость и величайшее лакомство, которое якуты и прочие инородцы очень ценят. Многочисленные детишки, наполнявшие юрту, — мал-мала меньше, некоторые совсем голые, другие почти голые, — с первого же момента с большою жадностью глядели на хлеб и сухари и засияли от радости, когда получили то и другое. Не менее были довольны и хозяйева, получив не только хлеб и сухари, но ещё махорку, несколько кусочков сахару и кусок кирпичного чая с $\frac{1}{8}$ фунта весом.

Между тем закипела вода в большом медном чайнике, хозяйка засыпала в него наструганный мною, сколько нужно для заварки, кирпичный чай и поставила этот чайник на небольшой деревянный стол грубой топорной работы, достала несколько разнокалиберных фарфоровых чашек, с блюдами, и все уселись за чаепитие. Тем временем хозяйка подвесила на камелёк небольшой котёл, в который положила несколько кусков телятины и налила воды, чтобы сварить суп.

Пока мы наслаждались чаепитием, я обратил внимание на провалившиеся носы некоторых членов этой многочисленной семьи, явно свидетельствовавшие о застарелом сифилисе. Потом на протяжении бесконечного путешествия до Якутска я имел возможность убедиться, что сифилис среди якутов и вообще туземцев этого края распространён в ужасающей степени. Не даром некоторые остряки находят сходство между понятиями «цивилизация» и «сифилизация». И, признаться сказать, пить и есть с ними из одной посуды было не совсем приятно, но пробывши с ними столько лет, я, по счастью, не заразился.

За обедом я первым делом спросил не без тревоги, будет ли дальше дорога представлять такие же байдараны? На что хозяйева невозмутимо ответили: «это разве байдараны?! Вот дальше поедете, так это будут настоящие байдараны!». Признаюсь, от такой перспективы у меня мурашки побежали по спине... Мне казалось, что хуже уже быть не может, но и здесь подтвердилась старая истина: всё на свете относительно!

Тронувшись в путь на другой день, я скоро убедился, что, к сожалению, якуты не преувеличили: байдараны стали и обширнее, и глубже, и злокачественнее. Чаше проваливались наши лошади, чаще брал я ледяные ванны; реже были оазисы твёрдой земли, только комары были всё те же; езда была ещё медленнее и ещё мучительнее. Удивительно, каким образом, по каким приметам наши якуты-ямщики умудрялись находить безошибочный путь через эти бесконечные тундренные болота, плоские, однообразные и бесконечно-унылые. Как ни странно, но эти дети пустыни уверенно пересекали в должном направлении необозримые пространства, ни разу не ошибившись, хотя нигде не было ни одной тропинки...

Недели через три такого путешествия мы стали приближаться к одной из станций, т.-е. к человеческому жилью, которого не видели уже дней пять. Поднялся сильный ветер, которому мы были очень рады, так как при нём исчезли комары, которые при ветре не могут держаться в воздухе и прячутся на землю, в кусты и т.п. Скоро мы очутились на берегу громадного озера длиною около 9 вёрст, а шириною вёрст 5; противоположный берег едва был виден. По озеру ходили огромные пенящиеся волны, так что оно напоминало скорее море, чем озеро. Станция была на противоположном берегу, но переплыть озеро при таком сильном волнении было очень опасно, так как плыть приходилось в крошечной, лёгонькой двухместной «ветке», т.-е. душегубке из тонких досочек, управляемой одним веслом двухлопастным.

Мы решили переждать бурю и заночевать на этом берегу. На утро буря не унималась, волны вздымались сердитыми, пенящимися гребнями ещё выше и грознее. ветер дул с прежнею силою. Единственным утешением было то, что комары исчезли, так что и мы, и лошади свободно вздохнули впервые после того, как покинули Средне-Колымск. На третий день та же картина бушующего, грозного моря. Якут-ямщик стал настаивать, чтобы далее не откладывать и немедленно переправляться через озеро на тот берег, ссылаясь на то, что буря может продолжаться ещё много дней, запасы нашей провизии истощатся, и

мы можем погибнуть от голода; казак поддержал его мнение. Против таких доводов и я не мог устоять и, скрепя сердце, дал своё согласие, но под неперемным условием, чтобы мы плыли вдоль берега, а не наперерез, так как мне казалось, что если «ветка» наша опрокинется близ берега, то легче будет спастись. Хотя лично я плавал, как топор, но надеялся, что якут и казак смогут как-нибудь спасти меня.

Якут дал торжественное обещание, что обязательно будет плыть вдоль берега. Мы, с ним сели в крошечную ветку, — он впереди с веслом, а я сзади, причём он меня предупредил, чтобы я не шелохнулся, иначе «ветка» может опрокинуться. Как только мы уселись, он взмахнул веслом и... вероломно погнался напрямик, наперерез к противоположному берегу! Протесты были бесполезны, так как мы в мгновение ока очутились в пучине бушующих волн, то высоко вздымаясь на пенящиеся гребни грозных валов, то стремительно низвергаясь вниз. С необычайною ловкостью якут разрезал поперёк бурные волны, и мы летели быстро вперёд. Я сидел неподвижно, ни жив, ни мёртв, пред грозной картиной гигантских валов, готовых еже-секундно проглотить нашу утлую «ветку», как ничтожную песчинку, и в то же время любовался ловкостью и хладнокровием якута. Пока он работал веслом, искусно направляя «ветку» на перерез волнам и отражая их грозное наступление, я сравнительно был ещё спокоен. Но вот якут временами выбивался из сил, клал весло поперёк «ветки» и, скрестив руки, бездействовал, в то время как волны вздымали её вверх на громадную высоту и низвергали вниз в пучину. Эти несколько мгновений, — минуты две или три, пока якут бездействовал, — казались мне вечностью, и я в душе проклинал и якута, и тот момент, когда я согласился на его предложение...

С полчаса продолжалась эта борьба между ловко-управляемой «веткой» и разбушевавшейся водной стихией. Наконец, последним ловким и мощным взмахом весла якут причалил к противоположному берегу. Хитро улыбаясь, он помог мне вылезть на берег; я не сказал ему ни слова, — упрёки были бесполезны, да и вспомнилось, что «победителей не судят». Но я до сих пор

не могу забыть эти жуткие минуты!.. Таким же манером перевез он потом казака и нашу кладь, и мы с наслаждением заночевали на станции, где якуты приняли нас с обычным радушием....

От этой станции картина природы начала меняться; постепенно исчезали байдараны, которые заменялись твёрдым грунтом, местность становилась холмистой. На другой или третий день мы въехали в гористое ущелье, поражавшее величественной, хотя и угрюмой красотой, окаймлённое с обеих сторон почти отвесными, голыми скалами разных цветов — то розового, то голубого. Местами высились белые меловые скалы, — это начинались отроги Алазейского хребта, отделяющего реку Колыму от параллельно текущей реки Индигирки, впадающей тоже в Ледовитый океан, а также отроги Верхоянских гор, с которых берет своё начало река Индигирка.

Вся местность была в изобилии пересечена горными потоками, очень быстрыми, но неглубокими, которые были нашим лошадям по брюхо и по шею, и которые они переходили в брод, а местами вплавь. Переезжая эти многочисленные горные речки с каменистым дном, по десятку и более в день, приходилось высоко поднимать стремя, чтобы не промочить ноги, а также перемётные сумки для предохранения от подмочки нашей провизии и багажа. Вода в этих горных потоках и речках настолько прозрачна и кристаллически чиста, что дно их видно ясно, и это очень кстати, так как оно каменистое и усеяно булыжниками-валунами, о которые лошадь легко может споткнуться, упасть и утонуть в бурном потоке вместе с всадником. Течение настолько стремительно, что лошадь с трудом переходит его в брод, а у всадника, если он имеет неосторожность глядеть вниз, легко может закружиться голова, и он рискует также упасть и утонуть.

К счастью, не было дождей, от которых все эти, сравнительно безобидные речки превращаются в широкие и глубокие бурные потоки, через которые не перейдёшь ни в брод, ни вплавь, и которые Задерживают путника по несколько дней, заставляя его тоскливо дожидаться, пока вода не спадёт, и опасаться, как бы не иссякла провизия и не умереть с голоду...

Мы вступали в пределы Верхоянского округа. Местность становилась всё возвышеннее, живописнее и величественнее. Через несколько дней мы заночевали под открытым небом у подошвы высокой горы. Было свежо, комары исчезли; дышалось легко и приятно чистым горным воздухом. Я вообще люблю горные ландшафты, но здесь они особенно ласкали взор и вливали какую-то особенную бодрость и радость после пройденных тоскливых и бесконечно мучительных байдаранов.

На утро мы совершили подъем на самую вершину этой горы, и пред нашими взорами, далеко внизу у наших ног, открылась бесконечная долина, сперва узкая, окаймлённая голыми утёсами и скалами, а потом всё расширяющаяся от края и до края. Маленький ручеек, начинавшийся с довольно крутого склона этой горы, ширился чем дальше всё больше, и в конце долины сверкал уже весело широкой серебряной лентой, к которой с боков тянулись другие ручейки. Голые скалы и утёсы, окаймлявшие начало долины, в конце её были, покрыты уже зеленью; на горизонте виднелись уже кусты и деревца. Это začínалась река Индигирка, которая дальше превращалась в широкую и могучую реку, длиною около 1500 вёрст, несущую свои воды в Ледовитый океан.

Спуск с вершины этой горы в долину был медленный и трудный; так как скат был довольно крутой, пришлось спешиться и лошадей вести в поводу. Заночевали мы у подошвы горы под открытым небом; было довольно прохладно, комары притихли, исчезли. Зоркие глаза якута увидели на вершине одного из близлежащих утёсов стройную фигуру дикого оленя. Недолго думая, якут и казак схватили охотничье ружье, быстро направились к подошве утёса и стали тихонько подкрадываться к лакомой дичи. Немного спустя раздался выстрел, и я видел, как прекрасное животное скатилось вниз. Скоро охотники радостно вернулись с богатой добычей, тем более приятной, что мы давно не ели мяса.

Якут и казак распотрошили оленя и, стали варить богатый ужин. Но я наметил, что некоторые части мяса они стали есть в сыром виде и при этом с необычайной ловкостью: держа один

конец большого куска в левой руке, они другой конец держали крепко в зубах и правой рукой быстро отрезывали ломтик у самых, губ острым охотничьим ножом, проглатывали, отрезывали другой ломтик и т.д. Надо было удивляться той ловкости, с которой они проделывали эту операцию, ни разу не порезав себе губы. Я, конечно, не решился на это, но спросил у них, как это они едят сырое мясо и неужели оно вкуснее варёного? Получив утвердительный ответ, я решился испробовать сам и, к величайшему удивлению, должен был согласиться, что это сырое мясо было очень вкусно. Я, подобно дикому зверю, рвал его руками и легко проглатывал. В сыром виде мясо не так сытно, легче переваривается в желудке и его можно съесть гораздо больше, чем в варёном или, в особенности, в жареном виде. Эта картина пожирания в сыром виде только что убитой дичи вполне гармонировала с обстановкой дикой, хотя и величественной пустыни, нас окружавшей...

Недели через три кончилась гористая местность, мало-помалу исчезли отроги Алазейского хребта, и вновь мы вступили в унылую полосу топких байдаранов. Вновь пришлось мне одеть на голову сетку, а на руки перчатки для защиты от мириад комаров; якут же и казак защищались от них проще и для них, пожалуй, удобнее: они отмахивались конским хвостом с деревянной, рукояткой, а голову покрыли большим ситцевым платком, защищавшим затылок и шею и подвязанным под подбородком. Это придавало им бабий вид, но, по крайней мере, они не задыхались, как я, от жары и слабого притока воздуха под душной густой сеткой из конского волоса, затемнявшей зрение. Для их загрубевшей годами кожи такая защита была достаточной, но мне, как пришельцу здешних мест, и сетки с перчатками было мало... Байдараны становились обширнее Колымских и длились целыми неделями; мы делали не более 25 вёрст в день...

Наконец, начались отроги Верхоянских гор, простирающихся от Верхоянского хребта к северу, где они разделяют бассейны рек Индигирки и Яны... А за ними опять бесконечные байда-

раны вплоть до Верхоянского хребта, отделяющего Верхоянский округ от Якутского. Верхоянский хребет самый высокий в Якутской области — 1½ версты: подъем на его крутую вершину продолжается несколько часов и очень утомителен. Но зато в летнее время путешественник вполне бывает вознаграждён тем грандиозным видом, который расстилается перед ним: там, глубоко внизу, сверкают красивые серебряные ленты зарождающихся рек и их притоков, зеленеют склоны холмов; там уже растут сосны, берёзы, ели и тополя, тогда как по эту, северную, сторону хребта растут только лиственницы и тальник. Здесь, на вершине, стоял высокий старинный деревянный крест, уже несколько пошатнувшийся, увешанный разными подарками «духу горы» в знак благодарности за благополучный подъем и для умилоствления, чтобы столько же благополучен был и спуск в долину. Подарки эти состояли из разной дряни вроде лоскутьев материи, нескольких волосков из конского хвоста, нескольких спичек, какого-нибудь старого ремешка, мелкой медной монеты. «Дух горы» был непритязателен, лишь бы ему оказали какое-нибудь внимание...

Отдохнувши здесь немного, мы начали спуск в долину по очень крутому, почти отвесному скату горы. Лошадей пришлось каждому из нас вести в поводу. Особенно трудна была первая треть спуска, так как здесь были только голые скалы и камни, ни одного кустика, за который можно было бы уцепиться. Камни то и дело скатывались под ногами, представляя очень ненадёжную опору. Лошади поминутно останавливались перед крутизнами, и их приходилось понукать и, так сказать, уговаривать перед каждым шагом... Спуск продолжался несколько часов. У подножия горы, при самом входе в долину реки Алдана, мы заночевали.

Было уже начало августа; дни стали значительно короче, в горах солнце закатывалось уже в 6 час. Комары исчезли, но вместо, них явился другой бич в виде мошкары, носившейся в воздухе какой-то мелкой пылью, совершенно неуловимой, от которой нельзя было спастись никакими сетками и даже дымокурами. К утру лицо моё представляло одну сплошную опухоль, от

которой был мучительный зуд и даже повышенная температура. Лёжа у подножья Верхоянского хребта, я любовался величественным горным ландшафтом, и мириадами ярких звёзд, таинственно мерцавших над нашими головами. Отсюда до Якутска оставалось всего двести вёрст. Через неделю мы уже подъезжали к этой столице обширной Якутской области. Якутск расположен на левом, противоположном, берегу могучей реки Лены, имеющей здесь в ширину около 5 вёрст. Переправились мы через неё в лодке, так как в то время ещё не было здесь пароходства.

Якутск, небольшой, невзрачный городишко, состоящий из деревянных домов, с количеством жителей всего около 6 тысяч душ, показался мне после Колымска и Верхоянска громадным, культурным городом. Когда я увидел на улице почтовый ящик, этот первый встретившийся мне признак цивилизации, я пришёл прямо в восторг, — ведь я семь лет не видел почтовых ящиков! И когда мне сообщили, что почта сюда приходит раз в неделю, то я решил, что жители Якутска чуть ли не самые счастливые люди в мире, — шутка ли сказать: они каждую неделю получают свежие газеты и письма!

Как в волшебном сне, я бродил по улицам города. Каждая лавка, каждый магазин казались мне каким-то чудом, каждая вещь какой-то диковинкой, — ведь все эти годы я не видел ничего подобного, и к тому же всё это были признаки цивилизации и культуры. Я, как дикарь, заходил почти в каждый магазин, чтобы купить что-нибудь, подчас совсем ненужную мне вещь, но которой я так давно не видел, и скоро я прослыл среди местных товарищей-ссыльных за отчаянного расточителя... Извозчичья пролётка привела меня в восторг, так как даже простой телеги не существует ни в Верхоянске, ни в Колымске.

Я перезнакомился со всеми политическими ссыльными разных оттенков и партий. Все мне завидовали, что я еду туда, где можно вновь продолжать ожесточённую борьбу за социальную революцию, за свержение «существующего строя», возглавляемого царизмом...

Отдохнувши неделю в Якутске, я уже один отправился дальше по пути в Иркутск, главный центр всей Восточной Сибири, отстоящий от Якутска на расстоянии 3.500 вёрст. В то время не было ещё пароходного сообщения по реке Лене, а путешествие совершалось в почтовых лодках, которые тащились бурлаками бечевой вверх по течению, от станции до станций. Берега Лены, конечно, населены гораздо гуще, чем берега Яны или Колымы, так эта станция от станции стоит на расстоянии вёрст 20, 25 и не более 30-ти. Но даже в лодках не везде можно ехать, так как вскоре после того, как мы выехали из Якутска, Лена совершенно изменила свой характер: она превратилась в сравнительно узкую, не более версты, но очень глубокую стальную ленту, окаймлённую с обеих сторон очень высокими, крутыми, почти отвесными скалами и утёсами необычайной красоты. Они громоздились самыми прихотливыми, фантастическими узорами, напоминая сказочные волшебные замки. Американский путешественник Мельвилль, который изъездил на своём веку много стран, в следующих восторженных выражениях описывает берега Лены в этих местах: «Никогда в жизни я не видел таких замечательных по своей фантастичности скал. Они окаймляли берега реки почти отвесными башнями вышиною более полуверсты¹ и шли непрерывным скалистым фасадом, точно вырастая прямо из воды и беспрерывно меняя свои волшебные очертания; их красота представляла нечто необычайно величественное. Я не знаю ничего ни в природе, ни в архитектуре, что могло бы сравниться с поразительной красотой этих утёсов, громоздившихся подобно волшебным замкам и фантастическим колоннам»².

На протяжении многих сотен вёрст эти скалы вплотную подходили к воде, не оставляя ни вершка для бечевника, вследствие чего тащить лодки бечевой становилось невозможно, а грести веслами против течения также было чрезвычайно

¹ На самом деле высота Ленских столбов не превышает 220 метров. — *прим. OCR.*

² Мельвилль, «В устьях Лены», стр. 387. — К сожалению, эта замечательная книга до сих пор не переведена на русский язык.

трудно, потому что могучая Лена, стиснутая здесь в сравнительно узкие рамки, как бы стремилась бешено вырваться поскорее на вольный простор и потому развивала необычайную скорость. Вследствие этого приходилось вновь прибегать к езде верхом, представляющей чрезвычайные трудности, потому что дорога всё время шла по большим крутизнам, порою почти вертикальным. Часто, карабкаясь верхом на эти скалы, я, чтобы не свалиться с лошади, хватался поминутно то за гриву, то за хвост, и только благодаря какой-то счастливой случайности, а отчасти привычности и выносливости здешних лошадей, я ни разу не свалился с них в многочисленные пропасти, зиявшие по бокам этих скал и утёсов. Таким-то образом то в лодках, то верхом ехал я вверх по Лене по направлению в Иркутск.

Город Олёкминск, отстоящий от Якутска в расстоянии около 600 вёрст, расположен при впадении р. Олёкмы в Лену. Это — небольшой городок с числом жителей около 600 и составляет административный центр Олёкминского округа, известного своими богатыми золотыми приисками. В Олёкминске я встретился с административно-ссылным Осипом Васильевичем Аптекманом, вместе с которым и продолжал дальнейший путь вплоть, если не ошибаюсь, до Томска.

Удивительно, как быстро человек привыкает к хорошему! Когда я приехал в Иркутск, эту столицу всей огромной Восточной Сибири, её торговый и административный центр, с 25-тысячным населением, он меня не так поразил, как Якутск, хотя крошечный Якутск, заброшенный на крайний север, не мог идти и в далёкое сравнение с оживлённым и культурным Иркутском. Ко времени приезда в Иркутск я уже начинал привыкать к цивилизации и к культурной обстановке и быстро входил во вкус и привычки цивилизованного человека.

От Иркутска начинался уже большой Сибирский тракт, проторенный веками, соединяющий Сибирь с Москвой. По обеим сторонам этого тракта идёт дремучая тайга, т.-е. бесконечные первобытные леса, приют бездомных бродяг. Дальше узкой ленточки этого тракта не шло со времени Ермака культурное

воздействие самодержавия на покорённую Сибирь, да и движение по этому тракту выражалось в значительной степени в партиях ссыльных, шествующих мрачно и уныло под бряцанье кандалов, окружённых лесом штыков, в ссылку и каторжные рудники...

И мы, летя на почтовых, встретили несколько таких многолюдных партий, наводивших на грустные размышления: из Сибири возвращаются единицами, а туда гонят десятками и сотнями... Также мы чуть не каждый день обгоняли бесконечные обозы, нагруженные ящиками с китайским чаем, который доставлялся в Москву через Монголию и пограничный китайский городок Маймачин, лежащий на правом берегу Амура, а оттуда в городок Кяхту, расположенный на противоположном, русском берегу Амура.

Дней через пять, отмахавши 1.500 вёрст, по 300 вёрст в сутки, прискакали мы в Томск. Если Иркутск представлял не только административный центр Восточной Сибири, но и средоточие её золотопромышленности и торговли, в особенности пушной и чаем, а также культурный центр, то Томск был ещё более культурным центром Западной Сибири. В Томске тогда осело очень много политических ссыльных, в том числе немало литераторов.

Сравнительное обилие культурных сил в Томске побудило даже царское правительство учредить здесь университет, вначале только с одним медицинским факультетом, — первый университет в необъятной Сибири. Да, нельзя сказать, чтобы самодержавие особенно заботилось о процветании наук и о народном просвещении: понадобилось 300 лет со времени завоевания Сибири, чтобы оно решилось, наконец, открыть здесь университет, а вот ссылать политических преступников начали в Сибирь уже с 17-го столетия, сперва в Западную. Сибирь, а потом и в Восточную.

В Томске я застал большую колонию политических ссыльных, благодаря которым город являлся своего рода революционным очагом...

Между тем наступила уже глубокая зима, и из Томска я поехал на санях, делая по 300 вёрст в сутки. Дней через пять беспрерывной езды днём и ночью я приехал в небольшой городок Тобольской губернии, Якуторовск.

Расстояние от Якуторовска до Тюмени, вёрст 200, мы отмахали меньше, чем в сутки. И здесь, в Тюмени, я узрел, наконец, рельсовый путь, сел в вагон железной дороги, которой я не видел столько лет и до которой ползал, карабкался, плыл, скакал целых полгода. Какое наслаждение растянуться на диванчике вагона (конечно, на жёстком диванчике 3 класса) и спокойно дремать в тепле и уюте под мерное постукивание стальных колёс о стыки рельс, пока поезд, свистя и громыхая, мчит тебя по горам и долам, через леса и степи туда на запад, всё ближе и ближе к родным местам!.. Я помню, кто-то из попутчиков нашего вагона стал жаловаться на крайнюю утомительность этого путешествия, так как он, шутка ли сказать, уже десятый день находится в поезде и измучился в конце... «Неужели целых десять, дней? — ответил я ему сочувственно, — это, действительно, очень утомительно», а мысленно прибавил: «А что бы ты сказал, голубчик, если бы узнал, что я вот уже полгода в пути, и не по железной дороге, а тысяч 6 вёрст отмахал верхом по байдаранам, терзаемый комарами, да в брод по горным речкам и крутизнам, а потом в лодке и на почтовых, в зной и стужу, подчас с опасностью для жизни»...

Но блаженство езды по железной дороге продолжалось недолго — всего от Тюмени до Перми, а потом опять на почтовых от Перми через Казань вплоть до Нижнего Новгорода, вёрст около 1.500. Но здесь, в Европейской России, езда на почтовых куда хуже, чем по Сибири, где лошади делают по 16 вёрст в час, а здесь почему-то не более 8 вёрст. Мы плелись с убийственной медленностью, а мороз стоял чуть ли не сибирский. Отведавши сладкого, эта горькая езда была как-то особенно чувствительной, — долго ли избаловаться человеку!..

Как раз к рождественским святкам я прибыл, наконец, в Нижний Новгород, где остановился в гостинице. Наскоро умывшись и почистившись с дороги, отправился с визитом к Владимиру

Галактионовичу Короленко, к которому имел рекомендательное письмо. Короленко всего два года как поселился в Нижнем Новгороде, в январе 1885 года, вернувшись из Якутской области, где он пробыл в ссылке среди якутов 3 года в слободе Амга, верстах в 300 севернее г. Якутска.

Короленко принял меня чрезвычайно радушно. Предо мною стоял человек обаятельной наружности. Пара лучистых карих глаз подкупали своей добротой и озаряли всё лицо, обрамлённое окладистой шелковистой тёмно-каштановой бородой; в глазах этих светились ум, глубокая наблюдательность и знание жизни и людей; тёмно-каштановые вьющиеся волосы оставляли открытым высокий, красивый лоб. Он был тогда во цвете лет, — ему было всего 33 года. Его литературно-художественная карьера только начиналась, но он уже сиял звездой первой величины на писательском горизонте, благодаря только что появившемуся тогда неподражаемому рассказу его из якутской жизни «Сон Макара», в котором сразу выявились и первоклассный талант, и чудная душа автора. В этом злополучном, забитом Макаре изображена необыкновенно художественно и с редкой теплотой вся горемычная жизнь якутской бедноты, влачащей жалкое существование в гиблых местах Якутской области, и всё-таки не чуждой великих заветов правды и справедливости. Уже в этом небольшом очерке, с поражающей наблюдательностью, красотой стиля, с глубокою, всеобъемлющею любовью к людям и к природе и художественною объективностью изложения, сразу сказался весь своеобразный первоклассный талант Короленко.

Короленко жил в Нижнем на положении, так сказать, полуподнадзорного. В эту категорию российских граждан вступал и я, не имея права жительства в тех городах и губерниях Европейской России, которые состояли с 1881 года на положении «усиленной охраны».

OCR Андрей Дуглас

типография и словолитня
им. Богуславского
(3-я „Мосполиграф“).
Москва, Малая Грузинская ул.,
Охотничий пер., д. 5/7.
Мосгублит №. 12708.
Тираж 9.000 экз.